ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Пятница, 26 февраля 1937 г. ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР № 11 (647)

22 ФЕВРАЛЯ ОТКРЫЛСЯ IV ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР, ЗАВЕРШАЮЩИЙ ПУШКИНСКИЕ ТОРЖЕСТВА

Пушкинский пленум

По всей советской стране широко проводились пушкинские торжества. Творчество великого гения, славного сына русского народа, нашло самый глубокий отклик в сердцах миллионов и миллионов людей. Его лирические стихи глубокой реалистической силы, художественные образы повестей и поэм, питаемые корнями народного творчества, жизнью народа, мечтаниями народа о лучшей своей доле, стали частью биографии многих и многих поколений людей. Чем крупнее художник, чем более могуч его гений, тем шире и глубже втягивает он в орбиту своего влияния людские массы, человеческие души.

Творчество Пушкина становилось частью биографии советского человека не только тогда, когда на школьной скамье победоносная сила стихов великого поэта навсегда покоряла юного читателя. Нет, художественные образы, его эстетические принципы следовали за нами в нашей трудной и грозовой борьбе с врагами социализма. Томик стихов Пушкина помогал сибирским партизанам бороться с Колчаком так же, как и героическим челюскинцам, отрезанным от живого мира, вести самоотверженную борьбу с жестокой и слепой стихией арктических льдов, циклонов и морозов.

Нет, кажется, в советской стране, особенно теперь, человека, который бы не знал вечно живого слова изумительных произведений великого поэта. Счастливые люди социалистической страны, «племя младое, незнакомое» впитывает в себя многовековую культуру художественного слова, сконцентрированную в творениях величайшего русского поэта.

Четвертый торжественный пленум правления Союза советских писателей, посвященный творчеству А. С. Пушкина, как бы завершил собою программу пушкинских торжеств по Советскому Союзу.

Основоположник новой русской литературы, пленивший и покоривший сердца и души многих поколений, не мог, естественно, не оказать своего влияния на судьбы русской литературы, на жизнь каждого из последующих поколений писателей, поэтов.

Известие о смерти Пушкина повергает Гоголя в страшнейшее уныние: Гоголь пишет в письме Погодину, что после смерти Пушкина у него вываливается из рук перо, ибо Пушкин был для Гоголя учителем, непосредственным вдохновителем его творчества. Под знаком пушкинского влияния расцветает творчество прямого продолжателя пушкинских идей Лермонтова, написавшего на смерть Пушкина стихотворение-клятву, заклеймившее великосветских убийц поэта. Он поднимает знамя, выбитое из рук Пушкина Россией Николаев Палкиных, Бенкендорфов, Аракчеевых. Но и его затравили и, наконец, убили те же темные силы, что убили и Пушкина. «Погиб поэт, невольник чести» — эти слова Лермонтова относились не только к Пушкину, но и к нему самому.

Творческий гений Пушкина также необ'ятен, могуч и бессмертен, как могуча и необ'ятна человеческая жизнь, природа. И напрасно клеветники рядили Пушкина под сторонника «чистой эстетики», проповедника «искусства для искусства».

У Пушкина было прогрессивное мировоззрение, его материалистический взгляд на мир предполагал активное отношение к жизни. В его творчестве развернута программа реализма, вникающего во все затаенные уголки жизни, в запретную для литературы того времени жизнь народа.

Когда Маяковский заявлял, что он в долгу перед Бродвейской лампионией, перед Багдадскими небесами, Красной армией и вишнями Японии, то он лишь подчеркивал, что поэт социалистического мира обязан откликаться на все явления жизни, на всю сложность современных событий. И здесь Маяковский как бы перекликается с Пушкиным, выдвинувшим грандиознейшие задачи перед подлинной реалистической поэзией, связанной с жизнью и судьбами своего народа. Не пассивное, созерцательное отношение поэта к миру, а активное, — поэзия, зовущая на борьбу, помогающая перестраивать мир.

Вот почему не Майков, Фет, Аполлон Григорьев и символисты оказались продолжателями пушкинской линии в поэзии, а Некрасов, Добролюбов, поэты-пролетарии, Маяковский, Бедный.

Сторонники «чистого искусства» оказались побежденными, хотя они намеренно писали на своих знаменах имя Пушкина.

Через много десятков лет, на с'езде советских писателей в разговорах о задачах советской поэзии пронеслась тень давнего спора о чистой поэзии, решенного историей. Бухарин провозгласил, что «время агиток Маяковского прошло», т. е., что прошло время активной боевой политической поэзии; что настало время «чистой лирики», свободной от задач активной борьбы за лозунги великой эпохи. Это было провозглашено тогда, когда тучи войны все больше и больше сгущаются, когда нужно порох активной, боевой поэзии держать сухим. В замаскированном виде Бухарин протаскивал установки, разоружающие советскую поэзию. Вылазка Бухарина тогда же встретила решительный отпор со стороны советских поэтов.

Характерно и совсем не случайно было бухаринское утверждение пастернаковской поэзии, оторванной от жизни революционного народа, как единственно жизнеспособной линии в советской поэзии. Потому-то так решительно обрушился Бухарин на поэзию Маяковского, живого и страстного продолжателя пушкинских традиций в советской поэзии.

Наша советская поэзия наследует лучшие черты пушкинского гения. К сожалению, в докладе т. Тихонова эта сторона дела недостаточно была конкретизирована, и в нем не было полного разрешения проблем, связанных с дальнейшим развитием пушкинских традиций в нашей поэзии. Прения частично этот недостаток доклада т. Тихонова восполнили. Тов. Сурков, Алтаузен, представители национальных республик в своих выступлениях правильно указывали, что в советской поэзии творцом и мастером пушкинского масштаба может быть тот, чьи помыслы и жизнь связаны непосредственно с жизнью, помыслами и борьбой революционного народа.

Те вершины, которых достигла советская литература в лице ее лучших представителей — А. Горького, В. Маяковского — подлинных продолжателей традиций Пушкина — являются вместе с тем ориентирами правильного дальнейшего пути развития советской литературы.

Спустя столетие, советские поэты — люди социалистического мира — пронесли Пушкина как знамя, как символ полнокровной, цельной, боевой подлинно реалистической поэзии. В пороховом дыму гражданской войны, стреляя в упор в злобную пасть самодержавно-крепостнической и буржуазной России, наши поэты обращались к Пушкину, как образцу и программе поэтической деятельности. Маяковский как бы от имени лучших поэтических сил нашей страны говорил, обращаясь к Пушкину:

Я люблю вас, но живого,
а не мумию.
Навели хрестоматийный
глянец
Вы, по-моему, при жизни,
думаю,
тоже бушевали, африканец.

Именно бушующий Пушкин, протестант, борец за счастливую жизнь своего народа, близок нам. А это и есть живой Пушкин. Его хотели умертвить рукою Дантеса самодержцы и крепостники, но это им не удалось. Ибо его свободолюбивая мысль, воплощенная в живых художественных образах, «тленья убежит» и будет вечно жива.

Пушкин — борец, воспевавший в жестокий век свободу, ненавидевший всей силой своего поэтического гениального существа угнетателей-крепостников,— близок и дорог советским писателям.

Пушкин, создавший великий русский литературный язык, новатор, прокладывавший новые пути в поэзии и в прозе, вдохновенный поэт, труженик и мастер,— является для советских писателей и поэтов вечно живым учителем.

Прекрасный советский поэт, трехлетие со дня смерти которого несколько дней назад отмечала наша страна, прекрасно воплотил чувство советского писателя, поэта, утверждающего в кровавой борьбе социализм и Пушкина, как борца за новый мир и новую литературу.

И мне ль, обученному, как надо
Писать стихи, из трехлинейки
бить.
Убийцам этим не найти награду,
За кровь пролитую не отомстить.
Я мстил за Пушкина под Перекопом,
Я с Пушкиным шатался
по окопам,
Покрытый вшами, голодом и бос.
И сердце колотилось безотчетно,
В глазах светлело, ветер налетал,
И в плеске пуль, сквозь голос
пулеметный
Я вдохновенно Пушкина читал.
Идут года дорогой неуклонной,
Клокочет в сердце песенный
порыв,
Цветет весна,
И Пушкин отомщенный
Все так же сладостно
вольнолюбив.

ПУШКИНСКИЕ ДНИ В СЕЛЕ МИХАЙЛОВСКОМ

Специальным поездом Москва—Тригорская 17 февраля выехала делегация Союза советских писателей, Академии наук и Всесоюзного Пушкинского комитета на юбилейные торжества в селе Михайловском.

Автобусы отвезли делегатов из Тригорской в Пушкинские горы, на могилу поэта. Здесь были возложены венки от московских делегатов, от пограничников, от колхозников и местных организаций.

И. А. Новиков от имени советских писателей открыл небольшой митинг — речью на тему «Поэт и народ».

С могилы поэта многолюдная делегация направилась к селу Михайловскому.

На открытой равнине, у опушки Михайловской рощи, в честь закладки памятника поэту состоялся второй митинг, на котором с речью выступил непременный секретарь Академии наук Н. П. Горбунов.

На торжественном митинге, посвященном открытию музея, большую речь произнес секретарь ВЦИК т. А. С. Киселев.

Общий вид заседания IV пленума правления Союза советских писателей СССР.
Фото Бабст и Дэвлет

Товарищу И. В. Сталину

Родной Иосиф Виссарионович!

Пушкинский пленум Союза советских писателей в день девятнадцатилетней годовщины Рабоче-Крестьянской Красной армии шлет Вам, вождю народов и славному полководцу бессмертной ленинской партии, свой самый душевный творческий привет.

История битв социалистической революции все глубже и ярче освещает Вашу роль организатора побед и творца социалистической науки побеждать. Ваши действия, Ваш опыт легли в основу создания и роста славной, несокрушимой, навеки победоносной Красной армии.

В эти дни мы вспоминаем с гордостью, что большинство из нас, писателей СССР, прошло великую школу гражданской войны. Наши жизни, наше творчество были и до конца будут тесно связаны с Красной армией — могучим оплотом мира, могучей силой нашего благоденствия, могучим мечом патриотизма советских народов.

Советские писатели всегда являлись борцами за рожденный в огне и буре социалистического строительства истинный гуманизм, построенный на уважении и любви свободного человека к свободному человеку. Если завтра фашизм попытается занести над нашими народами свою руку, мы вспомним боевую веселую нашу молодость и вернемся в родную семью Красной армии и пойдем в бой. Быть вместе со всем народом, со всеми его лучшими людьми, во все дни — вот наш девиз.

Мы знаем, что даст битва, война социализма с фашизмом, потому что мы знаем свою страну и знаем Вас. Нет ничего в мире, что способно было бы ослабить или отвратить победы нашей армии и вместе с нею победы всей нашей страны,— ни дела диверсантов и террористов, ни провокации троцкистов из Гестапо, ни открытая сила капиталистических армий.

Всегда, через все преграды, испытания, мы, советские писатели, будем идти рука об руку со страною, с партией Ленина—Сталина, рядом с Вами, самый дорогой из родных, Иосиф Виссарионович.

Наркому обороны, Маршалу Советского Союза —

К. Е. Ворошилову

Торжественный Пушкинский пленум Правления ССП в день 19-летия Рабоче-Крестьянской Красной армии шлет Вам, дорогой Климентий Ефремович, свой горячий искренний привет и в Вашем лице приветствует нашу родную и непобедимую Рабоче-Крестьянскую Красную армию!

Происходящие по всей Советской стране всенародные пушкинские торжества, завершением которых является наш пленум, еще раз показали огромный рост культуры всех братских народов Советского Союза, несокрушимой защитницей которой является наша могучая, оснащенная передовой техникой Рабоче-Крестьянская Красная армия.

И тот факт, что Вы, вождь Красной армии, являлись деятельным членом Всесоюзного Пушкинского Комитета, глубоко знаменателен. Красная армия — это армия культуры.

Основные кадры советских писателей прошли через ряды РККА. Они были бойцами, политработниками, командирами в незабвенные годы 1917—22.

Истекший литературный год наибольшие успехи принес на оборонном участке. Такие произведения, как «Мы из Кронштадта» Всеволода Вишневского, роман Петра Павленко «На Востоке», вошли в железный фонд советского искусства.

В эти дни, когда озверелый фашизм угрожает нападением на отечество трудящихся, когда он заливает кровью революционную Испанию, — взоры трудящихся всего мира с надеждой и любовью обращаются к защитнице всех трудящихся и угнетенных — Рабоче-Крестьянской Красной армии, ее железному наркому Ворошилову и вождю всех народов, народному герою, любимому Сталину.

И в эти дни, мы, советские писатели, заявляем:

В грозный час, когда нас призовет к оружию долг перед трудящимся народом, — мы будем в первых боевых рядах. Мы отдадим все свое творчество, силы, умение, страсть и, если надо будет, самую жизнь, в борьбе за победу коммунизма!

Да здравствует советская культура, ее защитница Рабоче-Крестьянская Красная армия и ее первый маршал Клим Ворошилов!

Да здравствует наш родной Сталин!

ВЧЕРА НА ПЛЕНУМЕ

Подготовка к 20-летию Великой Пролетарской Революции

✱ Вчера на утреннем заседании с большим докладом о подготовке к 20-летию Великой Пролетарской революции выступил т. В. Ставский.

Докладчик дал подробную информацию о художественной литературе, появившейся в СССР за последний период, и о произведениях, над которыми писатели работают в настоящее время. Все данные, по мнению т. Ставского, говорят о том, что только в силу инерции некоторые критики и писатели склонны постоянно твердить об отставании советской литературы, вместо того, чтобы говорить об отставании определенных писателей. Можно ли говорить об отставании Шолохова, художника чрезвычайно взыскательного, уже год назад закончившего 4-ю часть «Тихого Дона», но считающего нужным еще «выдержать» это произведение, поработать над ним? Можно ли говорить об отставании Ю. Тынянова, Панферова, Киршона и многих других писателей, неутомимо работающих и дающих значительные по идейному и художественному содержанию вещи?

✱ Главная беда в том, что мы далеко не всегда знаем свое литературное хозяйство. Даже многие заслуживающие внимания книги столичных писателей не получают оценки на страницах печати. Что уже говорить о произведениях периферийных писателей? А ведь они составляют уже довольно значительный отряд и имеют полное право на помощь всей литературной общественности. Точно так же обстоит дело и в отношении литературы братских народов: мало мы еще ее знаем, мало о ней у нас пишут.

Тов. Ставский указывает на необходимость повышения бдительности в литературных организациях для того, чтобы до конца разоблачить пробравшихся туда врагов народа. Точно так же необходимо разоблачить и радеко-бухаринские эстетические концепции, сбрасывающие по сути дела со счетов всю пролетарскую литературу и открывающие широкие ворота для чуждых и враждебных влияний.

✱ Большое внимание уделил т. Ставский работе редакции «Двух пятилеток». Не все писатели честно выполнили свои обязательства в отношении этой редакции. Между тем, «Две пятилетки» — предприятие исключительного значения, и инициатором его явился великий пролетарский художник А. М. Горький. Союз советских писателей в ближайшие же дни переключит все свое внимание на это серьезное и ответственное дело.

Стенограмма доклада т. Ставского будет напечатана в след. номере.

Главная задача

Приближается великая дата — двадцатилетие Великой Пролетарской Революции. Всего лишь восемь месяцев отделяют нас от этой всемирно-исторической годовщины. Трудящиеся массы нашей социалистической родины с великой радостью готовятся к этому дню, чтобы дополнить новыми достижениями неисчислимые и необозримые победы социализма, одержанные в нашей стране под руководством великой и могучей партии Ленина—Сталина.

Народы Советского Союза принесут на этот праздник социализма свои лучшие дары: стахановцы заводов и полей — новые рекорды производительности социалистического труда, инженеры и техники — новые конструкции и изобретения, ведущие к дальнейшему улучшению и обогащению нашей жизни и к укреплению обороноспособности нашей страны, красноармейцы и командиры — новые показатели боевой подготовки и выучки для защиты любимой социалистической родины.

Приближение двадцатой годовщины Великой Пролетарской Революции выдвигает огромные задачи и перед нашим культурным фронтом, в частности перед советской литературой.

Успехи ее за это двадцатилетие неоспоримы. Она насчитывает десятки имен писателей, которыми вправе гордиться перед всем миром, имеет в своем активе замечательные произведения, воплотившие в ярких художественных образах великие идеи социализма. произведения, изображающие новых людей социалистической эпохи, книги, вдохновляющие на труд и борьбу, воспитывающие подрастающие поколения в духе новой социалистической морали и социалистических принципов. Творчество великана социалистической культуры и литературы М. Горького, такие книги, как «Тихий Дон» и «Поднятая целина» М. Шолохова, «Чапаев» Д. Фурманова, «Железный поток» А. Серафимовича, «Разгром» и «Последний из удэге» А. Фадеева, «Бруски» Ф. Панферова, «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей» Н. Островского, «Петр I» А. Толстого, роман П. Павленко «На Востоке», поэзия Маяковского, Багрицкого, Демьяна Бедного — являются замечательными победами социалистической культуры. Список этих побед далеко не полон и может быть расширен.

Советская литература и поэзия так же, как и другие роды и виды искусства (особенно кино, давшее такие замечательные картины, как «Броненосец Потемкин», «Чапаев» «Мы из Кронштадта»), обладают изумительными созданиями социалистического творчества, которое расцветает в нашей стране.

Тем не менее, по отношению к общему развитию и успехам социализма в нашей стране отдельные участки и звенья литературы, многие писатели и поэты продолжают отставать. Это весьма заметно и в подготовке к XX годовщине Великой Пролетарской Революции.

Нынешнее состояние литературного фронта нас не может удовлетворить.

Последние годы принесли нам немало новых превосходных произведений советской литературы.

Однако в эти же годы отмечена «вакханалия переизданий», ненужных, плохих, антихудожественных книг, которыми наши издательства засоряли книжный рынок.

В эти же годы обнаружилось, что презренные враги народа, зиновьевско-каменевские и троцкистские бандиты, агенты фашизма и правые отщепенцы имели в литературе свою агентуру, окопавшуюся на различных участках литературного фронта, пытавшуюся, маскируясь и двурушничая, вести свою подлую, разлагающую, ядовитую работу. Пользуясь притуплением бдительности на различных участках фронта литературы, в писательских организациях, в журналах и издательствах, эти ядовитые гады Пикель, Серебрякова, Тер-Ваганян, Воронский и др. стремились дезориентировать советскую литературу, свернуть ее с большевистского ленинского пути, подменить социалистический реализм формализмом, натурализмом, прямой и замаскированной клеветой на советскую действительность, прямым и замаскированным искажением в своих «произведениях» истории и современности, искажением образа нового социалистического человека.

Большинство этих фашистских выродков ныне раскрыто и разоблачено. Однако не все еще последствия их гнусной вредительской работы устранены и ликвидированы. Достаточно вспомнить, что Бухарин пытался использовать трибуну I Всесоюзного с'езда советских писателей для того, чтобы дезориентировать нашу литературу. Выдвигая как пример и образец для подражания эстетскую идеалистическую поэзию Б. Пастернака, поэта, глубоко чуждого нашей действительности, зараженного до мозга костей ядом буржуазной, враждебной нам культуры, Бухарин, под прикрытием двурушнических комплиментов, об'являл поэзию Маяковского и Д. Бедного устарелой, а всю пролетарскую молодую социалистическую поросль нашей поэзии пытался попросту третировать. Прохвост Радек пытался совершенно зачеркнуть творчество лучшей части революционных писателей Запада, выросших как раз под влиянием советской социалистической литературы. Идеологические последствия этой черной двурушнической работы еще не рассеяны, не ликвидированы в нашем литературном движении. Критика наша ничего в этом отношении не сделала.

Одним из важнейших участков литературного фронта являются толстые журналы. Здесь происходит первый отбор произведений для печати, первая их апробация и редактура, первая работа с писателем. Через толстые журналы читатель впервые знакомится с новинками нашей литературы. Журналы — важнейшие рычаги литературного движения. Между тем, большинство наших журналов и в своих художественных и в критических разделах крайне плохо выполняет свои задачи. Особенно выделяется в этом отношении «Новый мир». Контрреволюционные измышления бандита Пикеля о Шпицбергене, реакционное изображение советской деревни в романе Зарудина «В народном лесу», похабщина и порнография в «Жар-птице» И. Евдокимова, гнилая и чуждая философийка в рассказе Б. Пильняка «Рождение человека», явная халтура в его же, совместно с Беляевым, состряпанном романе «Мясо», любование кулачеством в поэмах кулацкого выродка П. Васильева, смесь достоевщины с троцкистской контрреволюцией в «Мише Курбатове» И. Макарова — все это нашло свое место на страницах этого журнала в то самое время, как в его критическом отделе неутомимый П. Рожков проявлял аллилуйскую сверхбдительность, обвиняя почти все основные кадры нашей критики во всех смертных грехах. На пленуме правления ССП раздавался только что вышедший первый номер «Нового мира», в котором редакция поспешила дополнить свои прежние достижения невероятной пошлостью о Пушкине. М. Тарловский пишет там, что Пушкин — «человек-оркестр, подобный тем чародеям, которые играли одновременно на семи инструментах, работая всеми конечностями, локтем, коленом и головой».

Немногим лучше «Нового мира» и «Красная новь», допустившая на своих страницах немало крупных политических провалов и давшая место ряду антихудожественных произведений.

Журналы крайне плохо помогают в подготовке к двадцатилетию Октября.

Далеко еще недостаточно ведет подготовку к великой годовщине и союз советских писателей. Важнейшая задача его — организовать писателей, выдвинуть перед ними крупнейшие темы и проблемы, воодушевить и увлечь ими, обеспечить консультацию и помощь писателям.

Работа эта ведется еще слабо и вяло. Издательства стоят от нее совсем в стороне.

Нынешний пленум правления ССП должен явиться поворотным пунктом в подготовке к XX годовщине Великой Пролетарской Революции.

Воплотить в художественных образах положительного героя нашей эпохи, человека социализма, большевика партийного и непартийного, показать его всесторонне, во всем богатстве его труда и борьбы, в социалистической практике, на работе и в быту, в его общественных и личных проявлениях, во всей сложности и цельности его чувств и мыслей — вот важнейшая, решающая задача нашей литературы.

Выполнение ее неотделимо от другой задачи — разоблачить и заклеймить в художественных образах капиталистический мир, звериное лицо фашизма и его троцкистско-зиновьевской агентуры и правых пособников. Человек социализма, большевик, советский гражданин живет и действует не в безвоздушном пространстве, он борется, и немыслимо показать его вне этой борьбы, нельзя дать полный и законченный образ строителя социализма, не показав его в противопоставлении враждебным силам — выродкам человечества — фашистам и их гнусным приспешникам, не разоблачив этих врагов.

Совершенно очевидно, что художественное изображение социалистической действительности должно носить оборонный характер. Любая тема нашей общественной и частной жизни связана с защитой социалистической родины от фашистских варваров.

Все замыслы и темы, над которыми работают наши писатели, поэты, драматурги, должны быть продуманы, осмыслены, еще и еще проверены в свете всемирно-исторических уроков и задач нашей социалистической революции.

Руководство Союза советских писателей, журналы, издательства и, в первую очередь, наша критика должны развернуть эту работу, борясь за социалистический реализм, помогая писателям, разоблачая идеологическое контрреволюционное вредительство, бичуя наглую и невежественную халтуру.

Пушкинские дни, еще раз с особой силой приковавшие внимание всей нашей страны к творчеству великого русского поэта, дали нам вновь ощутить могучую силу точной, «нагой простоты», простоты сложнейшей, но ясной, кристально-прозрачной, проникнутой живым и страстным восприятием действительности, горячим откликом на жизнь, ее вопросы и волнения.

Советская литература должна дать к XX годовщине Великой Пролетарской Революции новые произведения, классически ясные, простые, глубоко реалистичные, проникнутые социалистической народностью и боевым духом борьбы за социализм, борьбы, идущей под развернутыми знаменами Ленина—Сталина.

Дело литературных организаций, журналов, издательств и критики эту работу организовать, обеспечить и возглавить.

Четвертый пленум правления Союза советских писателей СССР, посвященный памяти А. С. Пушкина

ПУШКИН—РОДОНАЧАЛЬНИК НОВОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Речь тов. В. Ставского

Товарищи, первое наше слово, слово безмерной скорби, — о Григории Константиновиче Орджоникидзе, о Серго, родном и близком миллионам трудящихся.

Оборвалась прекрасная жизнь, оборвалась жизнь, отданная без остатка делу партии Ленина—Сталина, делу коммунизма.

Ушел от нас большевик, не знавший преград и препятствий в достижении великих целей, поставленных партией. Умер человек высоких революционных качеств, неутомимой энергии, организационного таланта, руководитель масс и в то же время человек большого горячего сердца, простой и отзывчивый, ученик Ленина, соратник и друг Сталина.

Неизмерима утрата.

Во всех победах, одержанных трудящимися нашей страны, — много его ума и сердца, самоотверженных усилий и труда.

Сплотимся же крепче вокруг партии, вокруг Сталина, все силы отдадим делу коммунизма. Память Серго, незабвенного в веках, почтим вставанием. **(Все встают).**

Товарищи, в исторические дни начинает свою работу наш IV пленум правления Союза советских писателей.

5 декабря 1936 г. Чрезвычайный VIII С'езд Советов утвердил Сталинскую Конституцию — кодекс завоеваний нашей великой родины.

Миллионы трудящихся с радостным волнением слушали и слушают проникновенные слова доклада великого Сталина.

Они все глубже постигают величайший смысл доклада, всемирно-историческое значение Сталинской Конституции, отвечающей величайшему новому под'ему творческой деятельности в Стране советов, вдохновляющей трудящихся на новые подвиги в деле строительства социализма и укрепления оборонной мощи страны.

Фашисты — каннибалы XX века — разрывают в клочья остатки буржуазного демократизма. Они хотели убить Димитрова, они хотят замучить Тельмана, они истребляют лучших мужественных борцов рабочего класса и трудящихся. Наемники Франко и полчища германских и итальянских фашистов свирепствуют в Испании.

Под пятой японского империализма стонет Манчжурия, стонут провинции Китая. Фашизм готовит войну против Советского Союза — оплота мира, радости и надежды всего человечества. Отпетый враг народа, презренный Троцкий со всей его бандой пошел на службу к Гитлеру и к японским мастерам заплечных дел.

Взрывы на шахтах и заводах, крушения поездов, гибель стахановцев и красноармейцев, убийство незабвенного Сергея Мироновича Кирова, — гнусные, подлые, омерзительные преступления, раскрывающие отвратительный облик врага народа.

Враг хотел обезглавить наш народ, готовя покушения на его вождей. Злейшие враги народа уже разоблачены и во имя социалистической гуманности уничтожены, но остатки разгромленного врага еще остались. Надо быть бдительными, товарищи.

Стальной стеной встали миллионы вокруг партии, вокруг великого, родного Сталина.

Пусть немолчно звенят в сердцах наших детей проникновенные слова поэта:

Берегите вождей, коммунары!
Берегите вождей...

Враг хотел рабства для детей наших, для детей, звонкими и чистыми голосами поющих:

«Спасибо товарищу Сталину за нашу счастливую жизнь!»...

Это — счастливая жизнь свободных людей социалистической страны, жизнь творческая, созидательная. Мы живем в великую сталинскую эпоху, когда труд стал делом доблести, чести, славы и геройства, когда стахановцы своей деятельностью осуществляют переход от социализма к коммунизму, когда граждане нашей страны — народы всех широт и параллелей необ'ятной родины — являются подлинными наследниками всех культурных ценностей, созданных человечеством.

Двенадцать дней отделяют нас от столетней годовщины гибели Александра Сергеевича Пушкина.

Творчество великого нашего поэта, творца русского литературного языка, стало достоянием не только широчайших масс русского народа, но и трудящихся всех национальностей советской отчизны.

Исполнилось **предсказание гениального поэта.**

Исполнилось предсказание его замечательного современника Виссариона Белинского.

Критик писал о Пушкине:

«Придет время, когда он будет в России поэтом классическим, по творениям которого будут образовывать и развивать не только эстетические, но и нравственные чувства».

Время это пришло. Двенадцать с лишним миллионов экземпляров сочинений Пушкина выпущены одними лишь государственными издательствами художественной литературы, и только в одном 1936 г. Сочинения поэта переведены на семьдесят два языка в нашей стране.

И наш современник, Гомер XX века, Сулейман Стальский подает голос из дальнего Дагестана:

Ты наш, весенний день настал...
Не ты ль об этом дне мечтал?
Народ тебя своим назвал,
Тебе мы почести воздали.

Миллионы людей отозвались на годовщину Пушкина.

На Пушкинской выставке, — которая является событием мирового культурного значения, есть зал «Дети о Пушкине».

Ты видишь, Пушкин, вот где он,
Расцвет пленительного счастья:
Россия встала ото сна,
И на дворцах советской власти
Мы пишем ваши имена!

Маленькая девочка, ученица I образцовой школы в Пятигорске, Майя Вайнштейн бесхитростно и сильно сказала то, что думают люди всей страны о Пушкине. Пушкин живой, бесконечно родной и близкий, жизнерадостный и светлый, друг народа, учитель и советник жизни.

Мы, советские писатели, посвящаем пленум правления нашего союза бессмертному Пушкину — творцу литературного языка и зачинателю нашей русской литературы. Пушкин проложил новые реалистические пути для русских писателей. «Без «Онегина» не был бы возможен «Герой нашего времени». Без «Онегина» и без «Горе от ума» Гоголь не почувствовал бы себя готовым на изображение русской действительности, исполненное такой глубины и истины».

Это пламенное свидетельство «неистового Виссариона» — ключ к пониманию истоков новой русской литературы, к пониманию роли и значения Пушкина.

Вспомним, как помогал Пушкин Гоголю, как стремился он сблизиться с Белинским, этим «предшественником русской социал-демократии», — как его называл Ленин, — как воспитывал целую плеяду литераторов-современников, вспомним, наконец, как вдохновлял Пушкин художников могучего направления критического реализма в русской литературе на протяжении всего XIX века. На заре социалистической революции пушкинские традиции воплотил и развил в своем творчестве и деятельности наш А. М. Горький — создатель пролетарской литературы. Пушкин жив. Бессмертны и действенны его творения. Он охватывал все — от вершин европейской философской и политической мысли до глубин народного творчества, неиссякающих и могучих. Он был передовым бойцом за свободу порабощенных, за счастье человечества.

Он всей душой, всеми помыслами своими принадлежал революционному течению своего времени, декабристам, о которых В. И. Ленин сказал:

«Мы гордимся тем, что эти насилия вызвали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов...»

Творения поэта, потрясающие сердца и через сто лет после его смерти, были при жизни его животворящим источником вдохновения и мужества для всех честных людей, источником и выражением пафоса борьбы с самодержавием.

Тираны мира, трепещите!
А вы мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Его гордый и свободолюбивый дух не могло сломить самодержавие. В стихотворении «Арион» мы читаем:

...Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик, и пловец!
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою...

Пушкин любил свой народ, знал его прошлое, его жизнь, его думы и чаяния. Ему отдал он все свои творческие силы и в народном творчестве искал и находил подлинное вдохновение. Он воспел борьбу народа и его героев. Он черпал мужество и силы для борьбы в несокрушимой вере в мощь великого своего народа и в его исторические судьбы.

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Вот почему Пушкин живой, вот почему бессмертны и бесконечно действенны его творения.

Вот почему он наш современник, «колоссальный и универсальный талант», «талант психически здоровый и оздоровляющий», как говорил Горький.

Пушкин восхищает нас многогранностью своего таланта, размахом и глубиной своей художественной деятельности.

Поэт и прозаик, драматург и критик, историк и публицист, журналист и редактор, он в любом жанре, в любой области дерзновенно прокладывал новые пути, оставив непревзойденные образцы творчества.

Многогранность и многосторонность его художественной деятельности от идейного богатства, от обилия мысли и чувств.

Художественная высота и вечная прелесть его творения — от идеального соответствия содержания и формы, как результата проникновенного труда и самозабвенных усилий.

«Мы ленивы и нелюбопытны», — говорил он, и оставил образцы потрясающего трудолюбия и трудоспособности, свидетельствующие об огромных знаниях поэта, об его высоких требованиях к себе.

Перед писателями всех народов земного шара высится Пушкин — учитель и друг, мерило мужества и вдохновения, бессмертный пример и совесть сердца.

«Пушкин первый почувствовал, что литература — национальное дело первостепенной важности, что она выше работы в канцеляриях и службы во дворце. Он первый поднял звание литератора на высоту, до него недосягаемую. В его глазах поэт — выразитель всех чувств и духа народа, он призывал понять и изобразить все явления жизни».

Так сказал о Пушкине другой великий русский писатель, беззаветный друг трудящихся, борец за дело коммунизма, гениальный художник слова — Алексей Максимович Горький.

20 июня 1936 г. на Красной площади, над урной с прахом Алексея Максимовича Горького, товарищ Молотов сказал:

«По силе своего влияния на русскую литературу Горький стоит за такими гигантами, как Пушкин, Гоголь, Толстой, как лучший продолжатель их великих традиций в наше время. Влияние художественного слова Горького на судьбы нашей революции непосредственнее и сильнее, чем влияние какого-либо другого нашего писателя».

Пушкин — родоначальник **новой** русской литературы.

Горький — положил начало литературе социалистического реализма.

Это вершины мирового искусства. Советские писатели наследуют все богатство этих двух гигантов.

Это право советских писателей, но это и обязанность их, почетная и радостная обязанность,— усвоить опыт, продолжить традиции, отдать все силы, всю страсть, всю жизнь делу победившего социалистического народа, оружием художественного слова участвовать в борьбе за коммунизм.

Наш четвертый пленум правления ССП посвящен памяти А. С. Пушкина. На этом пленуме мы не только должны выразить чувство нашего уважения и любви к гениальному поэту, учителю и другу, здесь мы должны обсудить и раскрыть пути, которыми пойдут советские писатели, чтобы решить задачу создания произведений, достойных эпохи Ленина—Сталина.

Это значит — всегда помнить и стремиться познать Пушкина, следовать опыту и советам Горького.

Это значит — сочетать великую коммунистическую идейность, совершенное художественное мастерство, глубокое знание жизни и упорный серьезный труд.

Это значит — никогда не успокаиваться на достигнутом и каждый день одерживать новые творческие победы для того, чтобы завтра итти еще вперед, вперед и вперед!

Только так будут созданы социалистическому народу новые героические художественные творения, проникнутые пафосом борьбы, пафосом созидания, пафосом коммунизма. **(Бурные аплодисменты).**

ЗНАЧЕНИЕ ПУШКИНСКОГО ЮБИЛЕЯ

Речь тов. А. С. Бубнова

Товарищи, это многолюдное собрание советских писателей, поэтов, критиков и литературоведов как бы завершает собой пушкинские юбилейные торжества. Значение столетнего пушкинского юбилея чрезвычайно многогранно. И одним из его замечательных последствий является то, что облик величайшего русского поэта раскрылся перед глазами широчайших масс народов Союза Советских Социалистических Республик так, как никогда до сих пор.

Торжества, связанные с столетием со дня смерти родоначальника новой русской литературы, превратились в громадное всенародное движение, охватившее рабочих, колхозников, трудовую интеллигенцию нашей страны, поднявших гигантскую волну самого пристального интереса к личности поэта, к его творчеству и к его бессмертным художественным произведениям со стороны всех народов Советского Союза, связанных нерасторжимыми узами братской дружбы.

Пушкинские юбилейные торжества явились демонстрацией той новой социалистической культуры, которая растет и расцветает в великой стране победившего социализма, имеющей ныне свою великую Сталинскую Конституцию, твердо, непоколебимо, с несокрушимой верой в свои силы идущей к коммунизму под мудрым руководством великого вождя и учителя товарища Сталина. **(Аплодисменты).**

Отношение к Пушкину народной массы, которая стала самым внимательным и в то же время самым требовательным читателем произведений великого поэта, показало того нового человека, который вырос в нашей стране и который умеет глубоко ценить культурное наследство прошлого. Гордая своими гигантскими социалистическими победами, сознающая свою громадную силу, культурно выросшая народная масса нашего Союза высоко подняла Пушкина как великого поэта народов Союза Советских Социалистических Республик.

Белинский писал о Пушкине: «Пушкин принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества. Каждая эпоха произносит о них свое суждение»...

Эпоха великой Сталинской Конституции произносит ныне свое «суждение» о великом русском поэте.

И в силу этого Пушкин предстает перед нами в новом свете: его великий облик окончательно очищается от издевательских фальсификаций реакционеров и мракобесов царского времени, от либеральных извращений творчества и взглядов поэта, отметается реакционная легенда о примирении Пушкина с николаевским правительством после разгрома восстания 14 декабря 1825 г., о переходе его на позиции «чистого» искусства, смешными представляются попытки сбросить Пушкина «с корабля современности» или развенчать его в духе Писарева.

Доподлинно пушкинские, принадлежащие векам черты облика великого русского гуманиста и замечательного художника слова выступают в полной мере очищенными от этого хлама фальсификаций и извращений.

Но это не означает, что литературно-политическая борьба вокруг имени Пушкина прекратилась. Из-за рубежа приходят к нам «издания», которые пытаются изобразить Пушкина поэтом «чистого» искусства, поэтом, который «всю жизнь служил богине любви»...

Тем с большим основанием должны мы подчеркнуть, что лирика Пушкина полна политическими темами. поэт горячо откликается на все события окружающей его жизни. Я уже не говорю о письмах, которые дают нам яркое представление именно об этой стороне его деятельности. Пушкин был политическим поэтом, автором многочисленных блестящих политических эпиграмм, певцом и другом декабристов, верность которым он сохранил на протяжении всей своей жизни. И точно так же на протяжении всей своей жизни он поднимал свой протестующий голос против «барства дикого», против крепостничества.

Великий поэт жил и работал в мрачных условиях николаевского времени, в обстановке учиненного над ним полицейского надзора, травли и преследований, он терпел и материальные лишения — мимо этого никак нельзя пройти, — но, тем не менее, вопреки всему этому в те годы тяжелой реакции он держался с громадным политическим достоинством и сохранил основное в своих взглядах.

Нет надобности говорить о том, что и его лицейские стихотворения, и его поэтические выступления в годы южной ссылки и ссылки в Михайловском наполнены политическим содержанием. И характерное для Пушкина состоит в том, что политический темперамент целого ряда его стихотворений этих периодов подчеркивается и как-то своеобразно углубляется силой и блеском его личных лирических переживаний.

Я напомню вам стихотворения «В альбом И. И. Пущину» и «Кюхельбекеру», относящиеся к 1817 г. В его лирике сильна и обличительная черта. Недаром он в стихотворении «К моей чернильнице» (1821 г.) пишет:

С глупцов сорвав одежду,
Я весело клеймил
Зоила и невежду
Пятном твоих чернил.

В период после разгрома восстания декабристов Пушкин постоянно возвращается мыслью к своим друзьям — декабристам.

В 1827 г. в стихотворениях «В Сибирь» и «Арион», в 1828 г. в «Предчувствии», в 1830 г. в сожженной им десятой главе «Евгения Онегина» и т. д. И если в 1819 г. он дает свою «Деревню», то в 1830 г. он пишет «Румяный критик мой...», в 1830—31 г. набрасывает «Историю села Горюхина», подсказывает Гоголю тему и даже сюжет «Мертвых душ», а в 1833 г. едет изучать на месте крестьянское движение, связанное с именем Емельяна Пугачева, издает «Историю Пугачева», а затем «Капитанскую дочку».

Все это свидетельствует о том, что основное направление взглядов Пушкина осталось прежним и во второй период его жизни, после 14 декабря 1825 г. И недаром Белинский называл Пушкина «представителем» умственного развития России того времени, а Герцен писал, что «одна лишь звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в долинах рабства и мучений; эта песнь продолжала эпоху прошлую, наполняла мужественными звуками настоящее и посылала свой голос отдаленному будущему».

Пушкин в эти мрачные годы николаевской реакции находился в таких условиях, когда его не только преследовал Бенкендорф и аристократическая чернь, но и травил Булгарин, которому, как писал об этом Пушкин, «головой» была «выдана» русская словесность.

В юбилейной литературе о Пушкине проскользнула гнилая мысль о том, что реакционная пресса триумвирата (Булгарин, Греч и Сенковский) была «враждебна дворянству», что деятельность триумвирата была процессом «втягивания в культуру» социальных прослоек «среднего сословия» николаевского времени. Отсюда выводилось «вытеснение и изоляция дворянской писательской группы», т. е. давался такой анализ, который неизбежно приводил к неправильному взгляду на положение Пушкина в обстановке николаевского режима.

Суть же дела заключается в том, что Булгарин был таким агентом николаевского правительства, который занимался втягиванием «новых социальных прослоек» в орбиту николаевского режима, и травля Булгариным Пушкина была гнусной, не брезгавшей никакими средствами, борьбой против великого поэта, который и в эти годы оставался передовым представителем «развития умственной жизни» страны.

В целях установления правильного понимания значения и характера творчества Пушкина необходимо до конца разделаться с тем вульгарным социологизаторством, которое пыталось причислить великого поэта то к группе деградирующей аристократии, то к группе капитализирующегося дворянства, причем некоторые из авторов, стоявших на этой точке зрения, договаривались до того, что утверждали: «Суб'ективно именно в этой социальной «обиженности» и коренится вольнолюбие, революционные настроения Пушкина».

Стоит только прочитать с трибуны эту цитату, чтобы каждому стало совершенно ясно, что это положение стоит в коренном противоречии с нашей оценкой характера и творчества величайшего русского поэта.

Пушкин был дворянином по происхождению, но он находился в конфликте с классом, к которому принадлежал.

Силой своего гения он стал великим национальным поэтом.

Прав Горький, когда писал, что «мы должны уметь отделить от него то, что в нем случайно, то, что об'ясняется условиями времени и личными, унаследованными качествами».

И далее: «Но именно тогда, когда мы откинем все это в сторону, именно тогда перед нами и встанет великий русский народный поэт, создатель чарующих красотой и умом сказок, автор первого реалистического романа «Евгений Онегин», автор лучшей нашей исторической драмы «Борис Годунов», поэт, до сего дня никем не превзойденный ни в красоте стиха, ни в силе выражения чувства и мысли, поэт — родоначальник великой русской литературы».

Я должен также отметить неправильное утверждение о том, что классовый смысл эволюции творчества Пушкина необходимо искать по линии от дворянства к крестьянству — «по типу эволюции Льва Толстого».

Я считаю, что это неправильно, во-первых, потому что это противоречит совершенно несомненному факту, что Пушкин стоял на той магистрали умственного развития нашей страны, которая обозначена такими именами, как Радищев, декабристы, Белинский, Герцен, и, во-вторых, потому что вне зависимости, конечно, от воли автора, его положение протягивает руку тем, кто пытается навязывать Пушкину элементы религиозного сознания и проповедь «смирения».

Пушкин является родоначальником новой русской литературы и создателем русского литературного языка.

Он был великим борцом на поприще литературы и критики. На пути своего развития к реализму и борьбы за реализм в художественной литературе он всегда умел занимать такие позиции, которые становились отправными точками для дальнейшего под'ема русской литературы.

Пушкин был вождем новой литературы, которую он создал и за развитие которой он боролся со всей силой своего темперамента и блеском могучего таланта.

Пушкин поднял русскую литературу на громадную высоту. В нем как в гигантском фокусе собраны и из него исходят выдающиеся реалистические направления русской литературы XIX века, связанные с такими именами, как Гоголь, Толстой, Некрасов, Салтыков-Щедрин.

Товарищ Молотов в своей речи над могилой великого пролетарского писателя А. М. Горького сказал:

«По силе своего влияния на русскую литературу Горький стоит за такими гигантами, как Пушкин, Гоголь, Толстой, как лучший продолжатель их великих традиций в наше время».

Пушкин был великим преобразователем русского литературного языка. Он дает выдающиеся образцы того, какое напряжение и какая колоссальная работа нужны для того, чтобы создавать великие художественные произведения.

Великий поэт обладал исключительной образованностью. В лицейском стихотворении «Городок» нашел свое отражение громадный размах начитанности Пушкина-лицеиста. В годы южной ссылки, в 1821 году в стихотворении Чаадаеву он пишет, что в «уединении» его «своенравный гений познал и тихий труд и жажду размышлений», и что он «ищет» — «и в просвещении стать с веком наравне». Напряженной работой Пушкин добился этого.

«О широте и богатстве изучений европейских литератур, — пишет Алексей Веселовский, — говорит уже состав пушкинской библиотеки, несомненно, в ту пору не имевшей себе у нас ничего равного в иностранном своем отделе; это настоящая летопись всеобщей литературы...» Но в библиотеке Пушкина имелся не только этот отдел.

В ней мы находим тридцать пять томов Энциклопедии, сочинения Вольтера, Дидро, Гольбаха и Руссо. Далее идут книги, относящиеся к французской революции XVIII столетия. Здесь же мы находим книги по истории английской революции XVII века, книги о польском революционном движении и польском восстании тридцатого года, материалы по истории Пугачевского движения. В библиотеке Пушкина имелся и Сен-Симон.

Наряду с этим в ней имеется немало и специальных работ по социально-экономическим вопросам, как-то: описание Оренбургской губернии, историко-статистическое описание уральских казаков (издание типографии Главного штаба).

Все это свидетельствует о громадном диапазоне интересов поэта.

Пушкин проявлял колоссальный интерес к различным проявлениям умственного развития его века.

Обеими ногами стоял он на позициях европейского просвещения XVIII столетия. Пушкин стоял на позициях идейной литературы. В его статьях, отрывках и замечаниях, касающихся литературы и критики, мы не раз находим подчеркивания этой стороны пушкинских литературных взглядов. Пушкин указывал: «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Они требуют мыслей и мыслей. Без них блестящие выражения ни к чему не служат».

В другом месте Пушкин пишет:

«Не мешало бы нашим поэтам иметь идеи гораздо значительнее, чем у них обыкновенно водится. С воспоминанием о протекшей юности литература наша далеко вперед не подвинется».

С громадной любовью относился к Пушкину А. М. Горький. Это отношение к величайшему русскому поэту для Горького не было академической оценкой выдающегося классика русской литературы, а было актуальным лозунгом нынешнего дня.

Недаром в 1930 г. в статье «О литературе» он писал: «Я предпочел бы, чтоб «культурный мир» об'единялся не Достоевским, а Пушкиным, ибо колоссальный и универсальный талант Пушкина — талант психически здоровый и оздоровляющий».

А в 1934 г. на первом Всесоюзном с'езде советских писателей он подчеркивал, что «советская литература не является только литературой — русского языка, это — всесоюзная литература». И здесь же добавлял: «Если у нас в прошлом — гигант Пушкин, отсюда еще не значит, что армяне, грузины, татары, украинцы и прочие племена не способны дать величайших мастеров литературы, музыки, живописи, зодчества».

История советской власти за прошедший период есть история упорной напряженной борьбы за социализм, которая ныне ознаменована великой Сталинской Конституцией, имеющей для народов СССР значение «итога их борьбы, итога их побед на фронте освобождения человечества», как сказал товарищ Сталин в своем замечательном докладе на Чрезвычайном VIII Всесоюзном С'езде Советов.

Это является основной предпосылкой для дальнейшего развития социалистической культуры в нашей стране и для могучего расцвета такой ее составной части, как наша советская литература.

Пушкинские юбилейные торжества еще раз воочию показали, что наша советская литература имеет замечательного читателя, который пред'являет очень высокие требования к литературе и умеет по достоинству ценить ее выдающиеся образцы.

Великая страна победившего социализма, миллионы народных масс Союза Советских Социалистических Республик идут под великим знаменем Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. **(Продолжительные аплодисменты).**

Это есть тот путь, которым идет и наша советская литература, самая идейная, самая передовая и самая революционная литература в мире. **(Продолжительные аплодисменты).**

В бою будем и мы, советские писатели

Речь тов. Вс. Вишневского

— Дорогие товарищи! Сегодня 19-я годовщина Рабоче-крестьянской Красной армии. В зале у нас много гостей — бойцов Красной армии. Им мы, писатели Советского Союза, шлем сегодня наш братский, крепкий привет и поздравляем их. **(Аплодисменты).**

Слово наше писательское к молодым красноармейцам, командирам и политработникам, к тем новым кадрам, которые сейчас составляют и развивают нашу Красную армию, будет кратким.

Товарищи дорогие, советские писатели прошли с Красной армией весь ее путь. Здесь, в этом зале, когда осенью 1934 г. был 1-й с'езд советских писателей, нам приходилось докладывать с'езду и стране, что больше половины членов союза советских писателей — это активные участники гражданской войны, это рядовые бойцы, командиры и комиссары запаса.

Сейчас несколько изменилось это соотношение — молодежь уж очень здорово прет! Это хорошо, пускай идет эта молодежь. А в первом ряду старшее поколение крепко стоит на своих местах и вам, молодому поколению, хочет сказать следующее:

На наших глазах, под выстрелами, рождалась Красная армия. В холодный манеж зимой 1917—18 гг. в Питер приехал Ленин. Там выстроился первый Питерский добровольческий рабочий полк. Провожали его на фронт. Тогда, в ту зиму на нашу страну навалились до 500 тысяч немцев и австрийцев, чтобы залить нашу страну кровью, задушить ее. Молодые рабочие полки ринулись навстречу этой огромной тяжелой германской армии.

Одним из первых отрядов вышел в бой отряд луганского товарища нашего, Клима Ворошилова. **(Аплодисменты).**

Немцы много лгали миру, говоря о «грозной непобедимой Германии». Немцы врут. С трибуны этого пленума ССП можно напомнить, что каждый раз, когда немецкая военщина пыталась опробовать силы нашей страны, добыть «что-нибудь» на Востоке, они были биты нашим народом. **(Аплодисменты).**

В XIII веке — семь веков тому назад — германские рыцари, закованные в латы, двинулись на старую русскую землю — на Псков, Новгород. Русские воины встретились с мощной германской силой на льду Чудского озера. Германская рать была разбита, щепки от нее полетели, и Россия себя отстояла. **(Аплодисменты).**

На несколько веков отбили тогда охоту немцам итти на Россию.

В XV веке немецкий тевтонский орден — орден феодалов, рыцарей Германии — вновь пошел на Восток взять богатые русские земли, попробовать, как можно грабить и гулять по нашей стране.

Снова двинулись русские силы против этой армии. Под Танненбергом опять столкнулись германские рыцари с русскими воинами. И опять народное наше ополчение уничтожило врага.

На пять веков Россия тогда отбила у врага охоту к драке.

Третий германский удар на Восток, «дранг нах Остен», был на нашей памяти. Немцы пели старую песнь: «Вир воллен нах Остен рейтен» — «Мы хотим ехать на Восток!». А мы сказали: «бросьте, бросьте!..» **(Аплодисменты)** когда в 1918 году двинулись германские силы через Прибалтику, через Украину на нас. Вы — юные — тогда ходили без штанишек, ползали, пищали, плакали, орали и вот — выросли в таких здоровых, красивых парней, которые пришли в этот зал, как хозяева. **(Аплодисменты).**

Вот за это право, чтобы вы — крестьяне России, чтобы вы — рабочие России, пришли в центр этого дворянского старого мира, в бывшее Московское дворянское собрание, в этот зал, чтобы вы взяли все в свои руки, — за это бились первые красноармейские полки. Матросам приходилось драться и на море и там, где хоть немножко было воды. Мы спрашивали: «Есть там фут воды?» — «Есть. Будем плавать и бороться».

Небывало дралась Красная армия. Шаг в шаг с ней шли писатели. Вспомните Фурманова, вспомните Серафимовича, который отдал сына своего, — он пал в рядах Красной армии. Вспомните бесчисленное количество боевых людей искусства — Маяковского, который отдавал каждую минуту борьбе. Вспомните крупнейших наших художников, — почти все они проходили, как правило, через ряды Красной армии, то как бойцы, то как командиры, то как политические работники. Вот так и вырос союз советских писателей. Когда вы думаете о советской литературе, — вспомните этот путь.

Немцы думали в 18-м году взять нас, поставить на колени. Мы им крепко ответили. Все те немецкие дивизии, которые пошли на нас, были нашими руками разоружены — под Белгородом, под Харьковом, под Мерефой, у Клинцов...

Сталин своей рукой писал тогда указания, как их разоружать. И мы приказывали врагу — разбитому, разложенному: «сдавай артиллерию, сдавай запасы, сдавай обозы, сдавай патроны». Мы стояли у стрелок, провожали эти эшелоны, нами взятые, контролировали их. Немецкие офицеры не смели глядеть нам в глаза.

Гением Сталина, гением Ворошилова, гением Орджоникидзе и других наших вождей создана сейчас могучая армия, первая в мире, сильная, сверху донизу закованная в броню. Армия эта сейчас отдавит врагам лапы и ноги — и головы кстати **(смех)**, если они посмеют тронуть наши границы.

Вы будете побеждать! В бою будем и мы, советские писатели. В этом наше единство. **(Бурные аплодисменты).**

Стенограммы всех речей и докладов печатаются в сокращенном виде.

Четвертый пленум правления Союза советских писателей СССР, посвященный памяти А. С. Пушкина

Пушкин и советская поэзия

Доклад тов. Н. Тихонова

Вся страна сейчас вспоминает заново Пушкина. Страна в эти дни — как бы семинарий по творчеству поэта.

Особое значение для нас, поэтов, имеет пример его жизни. Он не унизил век изменой беззаконной, ни гордой совести, ни лиры непреклонной.

Его поведение, восприятие действительности, задачи, которые он ставит себе, сам он, как поэт реалистический, народный, полны для нас поучительного смысла, так же как многие принципиальные стороны его творчества, как многие особенности его стиля.

Пушкин не делил жизнь на черную и белую половину. Пушкин сделал стихи явлением своей жизни. Он не отделял стих от жизни. Здесь была закономерность и закономерность смертельная, потому что это вело на неизбежное последнее столкновение с окружающим.

Он писал: «Поэзия бывает исключительной страстью немногих, родившихся поэтами. Она об'емлет и поглощает все наблюдения, все усилия, все впечатления их жизни», а не впечатления от жизни.

Кроме того, у него была еще одна сила, которой не обладают обычно поэты и которую я бы назвал силой повседневности. Эта сила повседневности любопытна одним обстоятельством. Для нее нет в жизни недостойных мелочей. Журналисту-«шуту» отвечают эпиграммой, чтобы он по когтям узнал поэта в минуту.

Красавице пишут стихи вместо любовного письма. Стихи переходят в документ.

В поэме ищут создания характера.

В драме — нового вида, изменения системы драматургической.

В чужой стихии стиховой — возможность обогащения русской поэзии.

Поиски формы и содержания идут не за счет подчинения одного другому.

В эту поэзию входит вся жизнь — от мельчайшего поступка (карточный проигрыш) до исторической идеи, в которой отражена судьба государства,— вот размах охвата.

Так являются и романтическая поэма, и роман в стихах, и песни народные, и романы, и эпиграммы, сатиры и переводы, и подражания, и лирика, и драма.

Образы революционной борьбы его времени (все виды их — и карбонарии, и греческие фалангисты, и испанские революционеры),— и такие исторические гиганты, как Наполеон и Петр, и такие народные герои, как Стенька Разин и Пугачев, и крепостное право, и декабристы, и русский крепостник, и русский раб-крепостной,— все эпохи отмечены и взяты в поэзии, как будто одному великану за всех поручили быть и поэтом, и прозаиком, и драматургом, и историком и критиком — и смешить, и устрашать, и очаровывать человечество, и все это с огромной верой в человека. «Недаром темною стезей я проходил пустыню мира».

Все виды творчества необходимы, абсолютно необходимы в совершенно новых жанрах, которые мы по своей лени и по своему нелюбопытству не поднимаем. Когда-нибудь литература нашего периода ответит за это перед потомством. Разве наше время не должно этого иметь? Разве наше время, которое имеет таких героев, как Ленин, Сталин, Орджоникидзе, Киров, Ворошилов, не требует, чтобы искусство стиха попыталось поднять на свои плечи новую эпоху?

Разве то, что делалось в старой России, что приходилось разгадывать во тьме, не может быть сделано у нас в свете нашего строительства? У нас новые люди, замечательные цветущие страны, бывшие окраины, которые когда-то представляли только пустыни, о которых писал Пушкин в своем воображаемом разговоре с Александром I.

Разве масштабы борьбы за передовое человечество не изменились? Разве масштабы вражеской злобы не изменились? Недавно в этом же самом доме шел процесс троцкистов-террористов. Разве это не были особые масштабы подлости, и зверства, и предательства? Разве этот мрак не пронизывается громадной мощью прожекторов нашей воли, нашего сознания?

А наши победы? Разве прекрасные масштабы сказки не стали былью? Это сила стиха заставляет нас искать все новой и новой формы. Ведь на каждом шагу меняется не только природа, природа вещей, но и вся природа человека. Разве это не требует новой внимательности?

Вот почему мы должны обратиться к Пушкину и вспомнить его многообразие.

Почти через сто лет после смерти Пушкина могучий поэт революции Владимир Маяковский сказал Пушкину: может, я один действительно жалею, что сегодня нету вас в живых...

Да, они подружились бы и сговорились. Если Маяковский был уверен, что для лучшего выполнения социального заказа надо быть передовым своего класса, надо вместе с классом вести борьбу на всех фронтах, надо разбить вдребезги сказку об аполитичном искусстве,— Пушкин, как революционный поэт, передовой поэт человечества в свою эпоху, не боялся вступить в самый бой с самодержавием и вел этот бой до последней минуты.

Их сближает многое в понимании и разрешении поэтических задач. Недаром после Пушкина, Лермонтова, Некрасова мы ставим имя Маяковского.

Маяковский, как и Пушкин, жил все время, борясь за действенную форму стиха. Отвергал он пристрастие к застывшим формам как самое пагубное для стиха дело. Работая, непрестанно обогащал он не только поэтический язык, но и живую речь.

Как в Пушкине кипело негодование против угнетения человека, будь это в русской деревне, в Испании или в Греции, так с первых стихов своих, в отличие от всех остальных поэтов предвоенного периода, Маяковский чувствовал себя гражданином вселенной не в высокопарном значении этих слов.

Сила и мужественность пролетарской революции, справедливость нового небывалого на земле строя, борьба со всеми пережитками старого, абсолютная искренность поэта, первые грозы мировой революции, доброта нового человека, любящего жизнь,— нетерпимость в бою со всякой фальшью — составляли главное содержание поэзии Маяковского.

В чем же заключалась народность Маяковского?

«Народность в писателе есть достоинство, которое вполне может быть оценено одними соотечественниками».

Это достоинство у Маяковского заключалось в том, что, победив в борьбе за становление поэтической личности все сложности футуристической школы, все соблазны жить ловким, от'единенным от широкой жизни стихом, он вышел на дорогу такой поэзии, которая живет, откликаясь самым искренним, самым мастерским, самым высоким голосом на жизнь всего народа, на события громаднейшей важности.

Он не лавировал, а пытался найти законы такого искусства, какое станет народным, массовым без подделки и без скидки.

И если Пушкин призывал учиться у классиков мировых и сам у них учился — и у Байрона, и у Шекспира, и у древних, то Маяковский не отрицал классиков в зрелую пору своей работы.

Был еще один поэт, голос которого также звучал высоко.

И вот мы слышим молодую и ясную песню, которую слушаем с удовольствием. Голос то ласков, то гневен, но чист и крепок:

> Так бейся по жилам
> Кидайся в края,
> Бездомная молодость,
> Ярость моя...

Это как будто по-новому звучащий гимн:

> Силы четыре,
> Соединясь,
> Мир образуют,
> Жизнь создают.

Это новая молодость и есть. Это Эдуард Багрицкий. Это он встречал Пушкина в первые годы революции:

> Свершается победа трудовая,
> Взгляните: от песчаных берегов
> К нам тень идет, крылаткой колыхая,
> Приветствовать приход большевиков.
> Она идет с под'ятой головою,
> Туда, где свист шрапнелей и гранат,
> Одна рука на сердце, а другою
> Она стихов отмеривает лад.

И пушкинское знанье жило в спокойном знаньи того, что хотел и что делал Багрицкий. Безмерна была его любовь к стиху Скрябин говорил, что силой музыки можно вызвать грозу. Магическое значение стиха в его бытовых возможностях конечно жило в Багрицком. По-пушкински звучало:

> Пора, пора, уже нам в лица дует
> Воспоминаний слабый ветерок.

Как Пушкин, он живописал природу и понимал ее как отдых человека, как сад потерянных, небывалых для человека радостей. И точный стих, точный, как пенье птиц, любил он. Как будто обыкновенные стихи писал, а смотришь — достоинства у них и совсем необыкновенные. Та же история со смысловым стихом, полным человеческой теплоты.

Роднит его с Пушкиным его оптимизм, его спокойствие. Создал он «Думу про Опанаса», думу кровавую, тяжелую, а поется она легко, почти радостно. Учился он много. Пушкин иных иностранцев осваивал своеобразно, но особенно любил он англичан. Багрицкий переводил Бен Джонсона, Томаса Гуда, Р. Бернса, В. Скотта.

Это очень важная работа, которой должны были бы заниматься мы все.

В этом мы невежды. Пушкин брал на поверку все мировое искусство. Он делал это совершенно смело. Мы же берем очень мало. Мы не знаем современной западной поэзии, мы не проверяем ее, мы не боремся с ней.

Пушкин в один прекрасный день опрокинул весь строй царствовавшей литературной традиции, но, сам закрепляя свою линию, не окаменел в своей победе. Он искал все новые и новые стиховые области, он расширял темы, включив в свою работу все многообразие мира внешнего и внутреннего. Современники называли его за эту способность Протеем, его дарование — чертовским дарованием.

В записках его находим мы много суждений о стихах, об'ясняющих или уточняющих его взгляды на природу поэзии.

Там записано, что смелость поэта не выражается в том, что он ввел в обиход одно или два слова, не принятые ранее в стиховой традиции.

— «Жалка участь поэтов,— пишет Пушкин,— если они принуждены славиться подобными победами над предрассудками вкуса».

«Есть высшая смелость, смелость изобретения, создания, где план обширный об'емлется творческой мыслью; такова смелость Гете в «Фаусте», Мольера в «Тартюфе», Шекспира, Данте, Мильтона...».

Это предельный запрос поэзии. Есть об'яснение и тому, какой стих должен сопровождать эту высшую смелость плана:

«В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и странному просторечию, сначала презренному...» и далее:

«прелесть нагой простоты так еще для нас непонятна, что даже и в прозе мы гоняемся за обветшалыми украшениями. поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем»

Мы обнаружим в этих записках строки о том, что гений обыкновенно простодушен, а великий характер всегда откровенен.

Вступив в обширное государство пушкинской поэзии, найдем, что стихов плохо обработанных у него не бывает. Даже по отношению к такому небольшому и быстрому роду их, как эпиграммы, нам придется сказать про эпиграмму то же, что сам Пушкин сказал об эпиграмме Баратынского: улыбнувшись ей как острому слову, мы с наслаждением перечитываем ее как произведение искусства.

Поиски нового шли непрерывно, составляя основу пушкинского творчества.

Он пишет о Полтаве: «в ней, в поэме, все почти оригинально, а мы из-за этого только и бьемся».

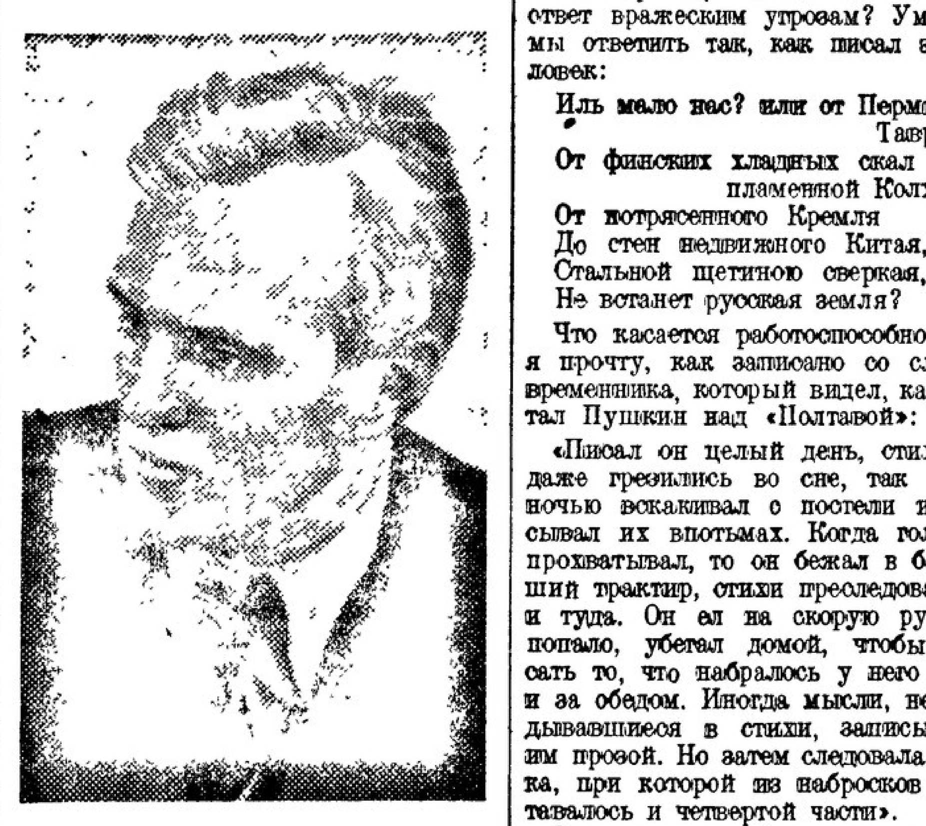
«Успех или неуспех моей трагедии, —пишет он о «Борисе Годунове»,— будет иметь влияние на преобразование драматической нашей системы».

Мы всегда будем поражаться его стиховому здоровью, его тематическому изобилию, его упорству, жизненности и народности. Того, что он написал за два болдинских месяца, хватило бы другому писателю на всю жизнь.

Как он мог работать в любых условиях, видя отдых себе только в переходах от одной работы к другой, какое огромное физическое напряжение требовалось при этом?

Пушкинский же голос никогда не изменяет в силе и никогда не фальшивит, никогда не звучит надорванно. Он всегда в меру гибок и звучен. У него глубочайшее дыхание, которого ему хватает далеко за четыре строчки.

Вот в стихотворении «Была пора»

(из стихов на годовщину лицея) — какая жестокая интонация у этого стиха, как она непрерывна, как она несет голос до самой высказанности стиха:

> Припомните, о други, о той поры,
> Когда наш круг судьбы соединили,
> Чему, чему свидетели мы были!
> Игралища таинственной игры —
> Металися смущенные народы;
> И высились и падали цари;
> И кровь людей то славы, то свободы,
> То гордости багрила алтари.

Это подводится не итог строфы, это строфа подводит итог эпохи. Эти стихи писались не для красного словца. Их надо было с дрожью сказать друзьям, тем, кто, как он, Пушкин, пережили все только что названное заново, чтобы они оглянулись и увидели, что кровь людей пролилась, не преобразовав мир...

Но как может простейший стих перейти при своей малой образности и страшной экономии движения во впечатляющее действие? Это вы найдете в простонародном языке сказок.

> Сын на ножки поднялся,
> В дно головкой уперся —
> Понатужился немножко:
> «Как бы здесь на двор окошко
> Нам проделать?» — молвил он,
> Вышиб дно и вышел вон.

Это и есть разумная краткость, она же в «Доне»:

> Отдохнув от злой погони,
> Чуя родину свою,
> Пьют уже донские кони
> Арпачайскую струю.

Сказать лучше и проще — невозможно.

А молниеносный разговор Мефистофеля с Фаустом.

> — Что там белеет — говори...
> Мефистофель:
> Корабль испанский, трехмачтовый,
> Пристать в Голландию готовый.
> На нем мерзавцев сотни три,
> Две обезьяны, бочки злата,
> Да груз богатый шоколата,
> Да модная болезнь — она
> Недавно вам подарена.
> Фауст. Все утопить.
> Мефистофель.
> Сейчас.

Будем на секунду внимательны, как слухачи. Тут презрение Мефистофеля точно обусловлено выбором слов, в которых идут глухие «з»: мерзавцы, обезьяны, злато, груз, болезнь. А какая крепкая волевая интонация! Вот из-за этой быстроты и точности актеры не могут приспособиться к пушкинскому стиху на сцене. Он не дает им никакой скидки на время. Прозевал строку — ушел смысл. и уже его не вернешь. Здесь все очень скупо и точно.

Язык пушкинской поэзии не умирает, он сохранил всю прелесть свою, и через сто лет мы дышим его прелестью и силой.

Пушкинский мир не был беден впечатлениями, но, конечно, сравнивать его с нашим миром просто невозможно Целыми месяцами заваленная снегом деревня держала, как в плену, нашего поэта но, появившись в столице, он поражал всех своими глубокими и разносторонними знаниями.

«Слушая его рассуждающим об иностранной политике — пишет, например, о нем Мицкевич,— или о политике своей страны, можно было принять его за мужа, постаревшего в общественных делах и ежедневно читающего прения всех парламентов».

Чувство времени и чувство пространства — мерила, особо определяющие размеры таланта, всегда существовали для него в пропорциях необычайных. Множество стран, и времен, и народов вошли в его стихи. Его роман в стихах представляет энциклопедию русской жизни.

Обладаем ли мы искусством синтеза, умеем ли мы выдвигать стиховую формулу, в которую все заключено как стройная система? Увы, нет! У нас есть еще поэты, к которым можно и сейчас обратить эти строки Пушкина:

> О вы, которые, восчувствовав отвагу,
> Хватаете перо, мараете бумагу,
> Тисненью предавать труды свои спеша,—
> Постойте, наперед узнайте, чем душа
> У вас наполнена — прямым ли вдохновеньем
> Иль необузданным одним пополновеньем.
> И чешется у вас рука по пустякам,
> Иль вам не верят в долг, а деньги нужны вам?

(Аплодисменты).

> Не лучше ль вам с надеждою смиренной
> Заняться службою гражданской иль военной?

(Аплодисменты).

Возьмите, сколько у нас врагов, и каких врагов. Умеем ли мы писать ответ вражеским угрозам? Умеем ли мы ответить так, как писал этот человек:

> Иль мало нас? или от Перми до Тавриды,
> От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
> От потрясенного Кремля
> До стен недвижного Китая,
> Стальной щетиною сверкая,
> Не встанет русская земля?

Что касается работоспособности, то я прочту, как записано со слов современника, который видел, как работал Пушкин над «Полтавой»:

«Писал он целый день, стихи ему даже грезились во сне, так что он ночью вскакивал с постели и записывал их впотьмах. Когда голод его прохватывал, то он бежал в ближайший трактир, стихи преследовали его и туда. Он ел на скорую руку что попало, убегал домой, чтобы записать то, что набралось у него набегу и за обедом. Иногда мысли, не укладывавшиеся в стихи, записывались им прозой. Но затем следовала отделка, при которой из набросков не оставалось и четвертой части».

Это умение работать имеет колоссальное значение. «Полтава» написана в две недели, а сколько написано в Болдино!

Это — умение работать, которым мы не обладаем.

Правда, сейчас махина нашей поэзии, хотя и с задержкой и со скрипом, но начинает поворачиваться по-иному. Исчезают из поэзии темнота, «красивость», лживая запутанность, фальшивость, шаманство, лишняя сложность, неряшливость, и пробует поэзия заговорить во весь человеческий голос. И тут оказывается, что пушкинские дороги еще далеко не исторический тупик, а ходить по ним можно и вывести к людям они могут, к самому широкому советскому народу.

Асеев — беспокойный поэт. Он знает, что поэзия — опасное ремесло, потому, что она, как взрывчатое вещество, требует умного обращения, иначе она разнесет неправильно обращающегося с ним на куски. Я не хочу сейчас говорить ни о «Лирическом отступлении», ни о Семене Проскакове или о других поэмах Асеева. На ряду с поэмами и лирикой у Пушкина есть множество поэтических вещей таких, которые, будь тогда подходящие газеты, охотно печатали бы их. Это стихи на случай, стихи иронические, политические, по отделке своей не уступающие обычной лирике.

Такой пушкинский участок есть у Асеева. Многие из этих стихов по-настоящему хороши, это боевые песни и стихи.

Так называемые газетные стихи Асеева сейчас в тени. Несправедливо, что они в тени, так же как его сказ о Буденном, например. А между тем, если говорить о поисках народности, то нельзя не вспомнить тот же сказ о Буденном, откуда вышел Буденновский марш, ставший всенародной песней.

Не будем забывать и того, что в его лирике заключено очень много достоинств, но Асееву сейчас нехватает того, чего нехватает многим из нас: абсолютного ощущения своего права, своей силы, своей необходимости.

Нельзя писать так, как Асеев однажды написал:

> У Пушкина чаши,
> У Гарпигина вздохи,
> Отметят сейчас же
> Дыханье эпохи.
> А чем мы отметим,
> И что мы оставим
> На нынешнем свете,
> На нашей заставе...

Асеев оставит много. Им написаны и баллады и поэмы, и сейчас он начал роман в стихах.

Демьян Бедный не откажется признать пушкинские сказки и народные песни его за своих литературных предков.

Среди полных теплой иронии строк Светлова есть с настоящим пушкинским интернационализмом, всемирной отзывчивостью написанная «Гренада», ясное и свежее стихотворение.

Но почему сейчас Светлов молчит? Это очень важный вопрос. Если он подражает Пушкину, то только в одном — Пушкин выдумал небывалого янычарского поэта — Амина Оглы, который писал не плохие русские стихи, и это понятно, но я не понимаю, почему Светлов свои собственные стихи пишет под именем выдуманного небывалого армянского поэта, или, вернее, я понимаю, потому, что он в них не уверен, он как бы за них не отвечает Это неправильно! Мы должны отвечать за свои стихи. потому что в этом и есть главный смысл нашего существования.

Маленькие драмы Пушкина имели несомненное влияние и на такого прекрасного поэта, как Антокольский

Две строки:

> Под небом Африки моей
> Вздыхать о сумрачной России

родили у Бориса Корнилова большую поэму о негре, сражающемся за свободу пролетариата в дни Октябрьской революции. Написанная им же поэма о молодом Пушкине — «Пушкин в Кишиневе»,— значительно превосходит многие произведения, написанные поэтами к столетию со дня гибели Пушкина.

К пушкинской ясности и точности стремится сейчас поэт Заболоцкий в своих последних стихотворениях. из которых действительно выделяются многими поэтическими достоинствами: «Горийская симфония», «Север» и «На смерть С. М. Кирова»

Есть в «Дайтаре» и в поэме «Жизнь» у Владимира Луговского в прямолинейности белых стихов четкость старых неумирающих строк:

> Уж десять лет ушло с тех пор, и много
> Переменилось в жизни для меня.
> И сам, покорный общему закону,
> Переменился я,— но здесь опять
> Минувшее меня об'емлет живо,
> И кажется, вечор еще бродил
> Я в этих рощах...

Так происходит перекличка великого поэта с поэтами нашего времени, в живой дружбе людей советской земли, иначе и быть не может. Пушкин — наш! Как сказал советский поэт:

> ... Он наш целиком! Ни Элладе,
> Ни Италии не отдадим,
> Мы и в ярости, мы и в разладе
> Мы и в хаосе дышим им....

Да, он был участником гражданской войны, Багрицкий писал об этом:

> Я мотал за Пушкина под Перекопом,
> Я Пушкина через Урал пронес,
> Я с Пушкиным шатался по окопам,
> Покрытый вшами, голоден и бос...

И даже когда в «Оде Революции» у Маяковского:

> Слава
> хрипит в предсмертном рейсе,
> визг сирен придушенно тонок,
> Ты шлешь моряков
> на тонущий крейсер,
> где забытый мяукал котенок.
> А после
> пьяной толпой орала
> Ус залихватский закручен в форсе,
> Прикладами гонишь седых адмиралов
> вниз головой
> с моста в Гельсингфорсе.

Котенок и адмирал! Это же кошка и приказные из «Дубровского», это перекличка кузнеца и крестьян пушкинского времени и матросов семнадцатого года.

У всех поэтов Союза найдется в той или иной мере влияние Пушкина, у одних более заметное, у других более скрытое, но оно есть, за редким исключением, у всех.

Нам никогда не надо забывать такого великого спутника и друга. Он положил основу нашего стихотворного языка по-настоящему, он показал, что можно сделать на поприще российской словесности, если хорошо поработать.

И сейчас как будто в нашей поэзии намечается стремление к пушкинской простоте. В поисках раскрепощения ритма, рифмы, и метафоры, столь тяготевшей над стихом, после многих битв, поисков и блужданий, победа как будто начинает склоняться к стиху, в котором смысл преобладает над заумью, а мысль над метафорой.

Стершиеся декларации, размалеванные аллегории снимаются жизнью с поэтических арен.

«Формы и обряды должны ли порабощать литературную совесть?» Мы отвечаем своей работой, доказывая, что новизна заключается вовсе не в тех жонглерских упражнениях, до которых так падки были древние и новые трубадуры и от чего, как пишет Пушкин, «произошли необходимая натяжка выражения, какое-то жеманство., мелочное остроумие заменило чувство, которое не может выражаться в триолетах, как и ум не может довольствоваться «одними игрушками гармонии».

Поэт, связанный со всей жизнью народа, разносторонний и внимательный к переживаниям времени, поэт мысли и волнения всегда будет обращаться к наследству Пушкина и учиться у него искусству стиха и искусству правды. Пушкин был вполне земной поэт, и поэту нашего времени придется описывать вещи очень обыкновенные.

«Чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было между прочим совершенная истина».

Совершенная истина нашего времени — это обыкновенный, каждодневный героизм необыкновенных для человечества наших современников, советских людей и наших друзей во всем мире, в эпоху, прославленную величайшим героем новых времен — Иосифом Сталиным. **(Аплодисменты)**

Проза Пушкина

Доклад тов. Ю. Н. Тынянова

Две черты останавливают внимание каждого из нас в жизни и творчестве Пушкина.

Во-первых, быстрый, безостановочный рост его творчества. В июне 1820 года написан эпилог к «Руслану и Людмиле», а 28 мая 1823 г. начат «Евгений Онегин» В конце же 1824 года — «Борис Годунов»

Я здесь намеренно не упоминаю о «Кавказском пленнике», о «Братьях разбойниках», о «Бахчисарайском фонтане», о «Цыганах», чтобы стал яснее для нас почти невероятный факт: от юношеского молодого «Руслана» до «Бориса Годунова»—срок 3—4 года

Во-вторых, одновременная работа над крупнейшими вещами, попутное возникновение и записи новых планов И те, кто пытается изучать литературную жизнь Пушкина, должны прежде всего не забывать, что перед нами величайший профессиональный писатель, литератор, писавший почти каждый день всю жизнь.

Еще одна особенность: он писал во всех жанрах. Он был сознательным противником «однообразности в писателе».

«Однообразность в писателе доказывает односторонность ума, хотя, может быть, и глубокомысленного» — писал он.

Более того, для него не существовало бездны между всеми видами литературы. Достаточно сравнить язык его «Путешествия в Арзрум» с языком его повестей; его статьи по языку ничем не отличаются от «Истории села Горюхина».

Язык Пушкина — краткий и точный и никогда не порывает связи с разговорным языком. Он как бы приспособлен для того, чтобы передать содержание во всех оттенках. Пушкин всю жизнь возражал против языка тогдашней прозы, языка непростого, полного иносказаний, слишком подробно описательного.

Всю такую прозу, включая научную и деловую, он еще в молодости, в 1822 году, 23-х лет. отвергает с точки зрения простоты. Но как Пушкин достигает этой простоты и точности языка? Вспомним, что еще в лицее он был учеником Галича, который учил, что предмет поэзии — истина, а литературный вкус — это ум.

Живое приятие впечатлений, действительность — вот самое важное для Пушкина в искусстве. Очень рано, помимо программы стихотворений, Пушкин приучается кратко и точно записывать события, мнения, рассказы Этот реалистический метод его работы с течением жизни все расширяется. Эти краткие, точные записи так же учат его языку прозы, как и программы стихов.

Высшим мерилом, задолго до Льва Толстого, становится для него народный язык, простонародный, который в его время если и употреблялся в поэзии, то главным образом как экзотическая приправа.

Борьба за простонародность языка в поэзии была не нова для Пушкина. Он выдержал жестокий бой с критикой при появлении первой своей поэмы. Каченовский в «Вестнике Европы» выступил с открытым протестом против простонародности в «Руслане и Людмилы». Во втором издании своей поэмы Пушкин перепечатал его мнение без всяких возражений. Он не удостоил его возражения. Пушкин шел своим путем. И возбуждал, вместе со славой, брань. Но не считался с нею. Он отлично знал, на что идет, вводя в поэму язык простонародный. Посылая Бестужеву «Братьев разбойников» для печати, он пишет:

«Если отечественные звуки: харчевня, кнут, острог, не испугают нежных ушей читательниц «Полярной звезды», то напечатай...».

Простота языка была не только склонностью или вкусовым пристрастием поэта. Уже в пятнадцатом году, шестнадцатилетним мальчиком, пробуя легкий, шутливый эпос, легкую, шутливую поэму, отвергая поэмы громоздкие и непонятные, он пишет о причинах этого предпочтения, о причинах вовсе не узколитературных, он хочет, чтобы его «поняли все».

В литературе господствовал вкус, главным образом вкус отрицательный, который ограничивал область языка запретительными эстетическими правилами. Эти правила должны были оградить литературу от «натуры», слово, которое в нашем смысле употреблял уже Грибоедов в 1816 году Он писал:

«Бог с ними, с мечтателями. Ныне в какую книжку ни заглянешь, что ни прочтешь, песнь или послание, везде мечтания, а натуры ни на волос».

Пушкин стоял за вкус. Он писал: «Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, но в соразмерности и сообразности». Народный язык и песни, которые он собирал и наблюдал и записывал, были для него нужны и интересны вовсе не как низкий элемент, который должен был разнообразить высокие слова, а нужны были именно по своей соразмерности и сообразности. Он ценил самый строй народной речи и считал ее образцом для речи поэтической, литературной.

Как совершался переход к прозе?

> Лета к суровой прозе клонят.
> Лета шалунью рифму гонят.

Под этой строфой читаем дату: десятого августа 1827 года.

Среди отрывков первой главы «Арапа Петра Великого» читаем дату: тридцать первое июля 1827 года.

В художественной прозе у Пушкина не было лицейского подготовительного периода. У него был великий поэтический опыт, а в прозе — опыт литературно-критических и исторических заметок, а главное — автобиографические записи.

Первую повесть от первой поэмы отделяют семь лет. Он вполне подготовлен к суровой прозе, суровой по отчетливости и широте вопросов. Ему 28 лет.

«Арап Петра Великого» — исторический роман, написанный за два года до знаменитого романа «Юрий Милославский». В нем, как во всей последующей прозе, две черты.

Роман интересен Пушкину автобиографически, имеет отношение непосредственно к вопросам, лично волнующим его в это время. И вместе с тем этот личный момент перерастает у него в широкий исторический вопрос. Выбор героя-предка был сделан Пушкиным в «Борисе Годунове». Там на стороне самозванца есть Григорий Пушкин. Здесь же центральный герой повести — его предок Ганнибал.

В николаевское время интерес Пушкина к предкам и родословной выдвигался борьбой и протестом против правящей власти, государственной олигархии. Вместе с тем по глубине и размаху мыслей и художественному замыслу Пушкина в связи с работой над родословной это ведет его к широкому художественному построению, к общим вопросам русской истории. Эти широкие интересы перевешивают, отодвигают на задний план смысл дворянской родословной. Аннибал не подходил ни под разряд старой знати, ни под разряд новой.

Пафос этой вещи — новый человек, соратник Петра в деле преобразования, обладающий новой высокой культурой.

Дальнейшим продолжением незаконченного романа должно было быть столкновение арапа со старой патриархальной знатью Так решался вопрос огромной личной важности для Пушкина — о месте Аннибала в его родословной.

Вместе с этим роман уясняет до конца сложные позиции Пушкина в борьбе с новой знатью. В этой борьбе Пушкин опирался на то, что он «родов униженных обломок». Он говорил о своем 600-летнем дворянстве. А в романе «Арап Петра Великого» Пушкин всецело на стороне нового человека, который чурается старой патриархальной знати. Пушкин борется не со старой, патриархальной, отживающей аристократией, а против новой правящей олигархии.

Таков весь его список новой знати в его «Родословной».

> Не торговал мой дед блинами.
> В князья не прыгал из хохлов...

Здесь не столько петровский Меньшиков, сколько фаворит, «Беспощадный и пустой»..., во второй строке не столько екатерининский Безбородко, сколько его племянник, ничтожный Кочубей, в третьей строке не елизаветинский Разумовский, а николаевский.

Роман был начат в Михайловском. Места с их исторической памятью живо воспринимались Пушкиным и были толчком для его творчества. Его творчество связано со всей картой России, которую он изучал не только из науки и литературы, но сталкиваясь лицом к лицу во время его странствий. Он индивидуализирует пейзаж так же, как и героев, и так же, как родословная героев, его интересует прошлое, родословная мест его родины.

Личный, автобиографический, домашний интерес к истории — характерная черта Пушкина-романиста. Те же личные автобиографические черты видны в «Дубровском», сюжетом которого является бунт крестьян против помещичьей знати.

Поразительнее всего автобиографичность сказывается в портрете Дубровского. До сих пор подробность эта никем не оттенена.

В разговоре Троекурова с Анной Савишной она описывает приметы Дубровского:

«Входит ко мне человек лет 35-ти, смуглый, черноволосый, в усах, в бороде,— сущий портрет Кульнева».

Следует указать, что известный портрет Кульнева с бакенбардами,— баки назывались тогда тоже бородой, —имеет черты несомненного сходства с некоторыми портретами Пушкина

Но Кирила Петрович не согласен с этими приметами Дубровского. Кирила Петрович говорит Анне Савишне:

— Я помню его ребенком. Не знаю, почернели ли у него волосы, а тогда он был кудрявый, белокуренький мальчик.

Последующее описание примет исправником — это пародия на типичные полицейские приметы, и вся сцена сильно напоминает описание из сцены в корчме в «Борисе Годунове».

Но. конечно, «кудрявенький, белокурый мальчик», который превращается в смуглого, заросшего бородой Кульнева, это резко индивидуальный автобиографический портрет.

Далее,— в главе 1-й, где говорится о том, что старик Дубровский и Троекуров были товарищами по службе, вместо слов «обстоятельства рас-

Окончание см. на 4 стр.

Четвертый пленум правления Союза советских писателей СССР, посвященный памяти А. С. Пушкина

Окончание доклада тов. Ю. Н. Тынянова

Начало см. на 3 стр.

лучили их надолго», в рукописи было зачеркнуто: «славный 1762-й год разлучил их надолго. Троекуров, родственник княгини Дашковой, пошел в гору. Дубровский с расстроенным состоянием принужден был выйти в отставку и поселиться в деревне».

Что такое 1762-й год? Год свержения Петра III и воцарения Екатерины II, год падения Пушкиных и возвышения новой знати. «Попали в честь тогда Орловы, дед мой — в крепость, в карантин и присмирел наш род суровый, и я родился — мещанин».

Троекуров не принадлежит к правящей олигархии, но он — представитель богатой и крупной новой помещичьей знати.

В Дубровском, бунтующем против знати, Пушкин видел себя.

Изучение народа, интерес к нему у Пушкина начинается крайне рано. Один из немногих, он отчетливо понимал главную основную силу, победившую Наполеона в 1812 г. «Кто нам помог? Остервенелый народ, Барклай, зима».

Первой силой был не полководец, не климатические условия кампании 1812 года, а гнев, остервенение народа.

Здесь очень рано могло сказаться никем до сих пор не изучавшееся и даже не отмеченное влияние первого лицейского директора Малиновского, много говорящего в своих записках о дарованиях народных. Удивительная черта дореволюционной историографии Пушкина: директор Малиновский, который директорствовал первые два с половиной года и произвел огромное впечатление и влияние на весь лицей, на всех товарищей Пушкина и на него самого, — как сквозь землю провалился. Сведений о нем нет, несмотря на то, что его записки опубликованы, несмотря на то, что этот человек, во многом замечательный, рисуется как народолюбец, как человек, требующий созыва российских генеральных штатов.

Его место заступил в официальной пушкинской историографии Энгельгард, который директорствовал последние полтора года пребывания Пушкина в лицее, когда Пушкин уже совершенно не подчинялся влияниям директора и был врагом Энгельгарда, врагом активным, перетянувшим на свою сторону и Кюхельбекера и других товарищей. А Энгельгард был ставленником Аракчеева.

Характерно, что бунт против приказных поднимает в «Дубровском» первым именно Архип-кузнец, а Дубровский только к нему присоединяется.

В «Капитанской дочке» — последней, замечательной и самой полной вещи Пушкина — он от картин частичного, неорганизованного и малого по размерам движения переходит к теме истории крестьянского восстания Пугачева. По изучению материала, по естественности развития сюжета, передаче различных типов речи, народной речи, по обрисовке характера действующих лиц, в особенности второстепенных, этот исторический роман, или, как Пушкин его называет, — повесть, далеко оставляет за собой не только его предшественников и современников, но и многие признанные образцы тогдашнего западноевропейского исторического романа.

Содержание лишено всяких экзотических прикрас, немногословная народная речь достигает высокой выразительности. В условном разговоре Пугачева с хозяином постоялого двора отражается глубокое понимание Пушкиным народной поэзии.

Сюжет и стиль романа резко отличаются от современной Пушкину дворянской литературы — ходульного тона по отношению ко всей крестьянской революции и ее вождю Пугачеву. Смел даже сам выбор героя, хоть и не изменяющего своему классу, но стоящего в дружеских отношениях с восставшими. Смело написан и Швабрин. Смела и новая широкая обрисовка характера Пугачева, в которой местами видно авторское художественное любование им. Нужно вспомнить при этом официальную характеристику Пугачева в тогдашней литературе.

Одна черта останавливает всякого в прозе Пушкина: он не терпит ненужных подробностей и поэтому всегда ограничивается выбором нескольких черт, нескольких слов, характеризующих героя. Например, любимая поговорка Архипа-кузнеца: «как не так»?

Здесь ученик его — Лев Толстой.

Вместе с тем Пушкин не терпит такой обработки прозы, при которой она теряет следы непосредственности. У него не всегда ясна грань в работе между планом и программой, программой и самим произведением. Такова, например, сценарная краткость, точность прекрасной повести «Кирджали», написанной по программе, которая была программой поэмы. Но это не только краткость и точность.

Особенность пушкинского повествования в том, что перед нами не монолог, который ведет автор, а как бы половина диалога, в котором присутствует молчаливый собеседник — читатель. Повесть кончается фразой — «каков Кирджали». Это прямое обращение к собеседнику-читателю, придающее непосредственность прозе.

В «Повестях Белкина» отсутствие загроможденности деталями и подробностями не только делает ясным ход действия, развитие событий, но сохраняет в себе все черты непосредственности программы, записей, наблюдений, делает само повествование не только правдоподобным, но и конкретно соприкасающимся с действительностью.

Произведения Пушкина открыты для читательского творчества. Он отрицательно относится к западным историческим романам, загроможденным ненужными мелочами действие.

«Сколько несообразных, ненужных мелочей, важных упущений. Сколько изысканностей и сверх того — как мало жизни».

Он возражает против однообразия характеров, против обыгрывания какой-либо одной черты. Свободно открытые для сюжетных изменений естественно развивающиеся характеры были для Пушкина одним из главных принципов повести и исторического романа.

«Повести Белкина», написанные меньше чем в полтора месяца (от 9/IX до 20/X—1830 года), стали школой русской прозы.

Если в «Выстреле» и в «Метели» нашла свое высшее краткое выражение романтическая проза — ведь «Выстрел» уже предсказал «Пиковую даму», то в «Гробовщике» и «Станционном смотрителе» намечен вкратце путь, которым пошел русский реализм.

На «Выстреле» учился Лермонтов. На «Гробовщике» — Гоголь, в новеллистическому мастерству — Тургенев.

Совершенно особое значение имеет для нас повесть «Кирджали», которую вы стали бы совершенно напрасно искать среди художественных произведений Пушкина во всех дореволюционных изданиях, несмотря на то, что в первопечатном тексте произведение носит пушкинский подзаголовок «Повесть».

Замысел произведения — между поэмой в стихах и прозой. Первоначальная мысль относится к 1823 году, к году греческого восстания, а завершен рассказ в 1834 году. Пушкин упорно возвращается к этой теме. Повесть о греческом восстании должна была быть первой художественной прозой у Пушкина. Он писал о ней в 1824 году.

«С прозой — беда! Хочу попробовать этот первый опыт и неоднократно за него принимаюсь».

Неизменным оставался главный герой — полулегендарный разбойник, человек из народа, сражающийся в рядах греческих повстанцев. Намеренность такого выбора героя подчеркнута у Пушкина критикой верхушки греческого восстания, а главное, широким развитием народных характеров с любимыми Пушкиным чертами — и важнейшей из них — отчаянной отвагой, — которые сжато показаны в индивидуальных чертах действующих лиц.

Несмотря на документальную сжатость, благодаря всем этим чертам этот очерк становится полноправной повестью Пушкина, пусть без любовной интриги, без медленного развития событий, без нагромождения подробностей. Это документально точная повесть о современных автору политических событиях и о подлинном живом историческом лице.

Политическая и социальная сатира Пушкина — «История села Горюхина» — стоит наряду с его сатирическими произведениями и памфлетами.

В «Истории села Горюхина» дается острая политическая сатира, осмеивающая помещичью власть. О сжатости и силе сатиры можно судить хотя бы по заголовкам, в которых заключается список источников и излагается содержание летописи праделa. Они отличаются ясностью и краткостью слога. Например:

— «4-е мая. Снег. Тришка за грубость бит».

«7-е мая. Корова бурая пала. Сенька за пьянство бит».

«8-е. Погода ясная».

«9-е. Дождь и снег. Тришка бит по погоде» (Смех).

Надо сравнить и вспомнить также место о земском, который умел писать не только правой, но и левой рукой. Неоднократно пострадав за свое искусство, услужливость и участие в разных замечательных происшествиях, он умер уже в глубокой старости, в то самое время, как учился писать правой ногой, ибо почерк обеих рук его был уже известен.

Здесь в «Истории села Горюхина» уже предсказана «История города Глупова» Салтыкова. Здесь лучше всего видно, как многому научился Салтыков у Пушкина.

Искусство Пушкина не только влиятельно, оно заразительно. «Книга Пушкина лежала на столе, открытая на той странице, где начинается рассказ «Отрывок». В это время вошел в комнату Лев Николаевич. Увидя книгу, он взял ее и прочел начало «Отрывка». «Гости с'езжались на дачу». «Вот как надо начинать», — сказал вслух Лев Николаевич, — «Пушкин—наш учитель; это сразу вводит читателя в интерес самого действия. Другой бы стал описывать гостей, комнаты, а Пушкин прямо приступил к делу».

Кто-то из присутствующих шутя предложил Льву Николаевичу воспользоваться этим началом и написать роман. Лев Николаевич удалился в свою комнату и тут же набросал начало романа «Анна Каренина», который в первом варианте начинался так: «Все смешалось в доме Облонских».

Потом уже Лев Николаевич приставил действительное начало романа — фразу, выражающую подмеченный им психологический закон: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастлива по своему.

Это произошло в марте 1873 года».

Так пишет Бирюков. Оказывается, Анна Каренина начиналась такой фразой: «Гости после оперы с'езжались к молодой княгине». Теперь это соответствует 6-й главе 2-й части «Анны Карениной». Лев Николаевич начал «Анну Каренину» не каким-то отдельным подражанием, а просто фразой Пушкина, и это не было счастливой случайностью наподобие яблока Ньютона.

Фраза Толстого: «Пушкин — наш учитель» — вполне конкретна. Толстой действительно учился у Пушкина. Например, батальные сцены «Войны и мира», написанные со штатской по методу описания точки зрения, совершенно совпадают с батальными сценами «Путешествия в Арэрум», где все суждения автора-путешественника сугубо штатские.

Прямой приступ к делу, о котором говорит Толстой, — одно из существенных и сознательных явлений пушкинской прозы. Сама фраза, начинающая пушкинский «Отрывок», была для современной Пушкину прозы совершенно неслыханным явлением. Толстой, работая над «Анной Карениной», продолжал учиться у Пушкина.

Непосредственный приступ к делу, отсутствие затемняющих ход действия подробностей и описаний, правильность распределения предметов при сжатии, сгущении происходящего, и активно побуждающая к творчеству, к работе проза писателя — таковы по Толстому особенности прозы Пушкина.

Пушкин любил начинать вещи других. Так он начал «Конек-Горбунок» Ершова. Как учитель, он начал «Анну Каренину», «Историю города Глупова»

Творчество Пушкина заразительно. Почти все вещи композиторов наших написаны на его поэмы. Русская литература и культура, давшая величайших прозаиков мира, без Пушкина немыслима. Это могло случиться только потому, что он был открыт для всех впечатлений родной страны, что он жадно желал знакомства и близости с народом — его речью, песнями, историей, близости со всеми народами и языками его родины. В его поэтическом завещании «Памятник» он упоминает о тунгусе. В 1836 году написан «Памятник», а о тунгусах он узнал подробно только за несколько месяцев до этого из письма своего ссыльного друга Кюхельбекера от января 1836 г.

Таково было у него приятие впечатлений. Он был открыт для вопроса о будущем своего народа, о будущем всего мира. Он не удовлетворялся легкими, поверхностными решениями вопроса. Его жестокая критика социального лицемерия, надменной ложной демократии не утеряла своей горечи и сейчас, применительно к капиталистическому миру. Вот что он пишет:

«...Рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства... богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой»...

Перед советской прозой стоят великие задачи. Изменилось лицо нашей страны, выросли люди. Мировое значение нашего Советского Союза, стоящего впереди всего живого человечества, никем неоспоримо.

Мировые задачи стоят перед нами. Предстоят мировые битвы. В этой борьбе Пушкин, зачинатель и учитель гениальной литературы, литературы Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Толстого, Салтыкова, Чехова, Горького, Маяковского — здесь со своим народом, с нами.

В деле литературы нужен сейчас учитель, и учителем этим снова становится в наши дни Пушкин.

Пушкин отвергает искусство пассивное, загроможденное подробностями, неподвижное, закрытое для своей страны и будущего, пример которого мы имеем у Марселя Пруста, отвергает искусство раскрашивания, обыгрывания деталей.

Он учит искусству, открытому для всех новых впечатлений, для всех наблюдений, учит наблюдениям, превращающимся в художественное произведение. Он учит тому, как широкая политическая тема становится в искусстве личной, а личная тема — широкой политической.

Пушкин — этот старый учитель Толстого и Салтыкова — очень молод.

(Бурные и продолжительные аплодисменты).

Литературная дивизия

Делегаты пленума в ЦДКА

В Центральном доме Красной армии, где 24 февраля состоялась дружеская встреча делегатов пленума ССП с начальствующим и командным составом Красной армии, т. Вс. Вишневский рапортовал о работе советских писателей в 1937 году.

Одна из особенностей литературы, которая появится в этом году, заключается в ее решительном повороте к военно-оборонной тематике. «Литературная дивизия», какой, по удачному выражению Вишневского, является союз писателей, осознала в полной мере угрожающую обстановку и мобилизуется страстно, лихорадочно для того, чтобы во всеоружии уничтожающего слова встретить врага.

Выступившие после тт. Вишневского и Кирилленко лейтенанты Ободовский и Лапиров выразили свою радость по поводу тематического разнообразия оборонной литературы, намечающейся к изданию, и внесли свое весьма существенное дополнение к списку тем, еще остающихся вне поля зрения советских писателей. От имени пославших их на встречу с писателями бойцов тт. Ободовский и Лапиров напомнили о том, что из оборонной литературы почти выпала тема **о современной Красной армии**.

Это тем более непонятно, что Красная армия дает необычайный материал для показа того, как в условиях социалистической действительности переделываются люди.

Союз писателей не проявляет должного внимания к молодым литературным кадрам, созревающим в недрах Красной армии. Может быть, эта встреча даст толчок к возобновлению крепкой связи между советскими писателями и красноармейской средой.

С интересом выслушала аудитория рассказ т. П. Павленко о его работе над романом «На Востоке».

На встрече присутствовали армейские комиссары 2-го ранга тт. Аронштам, Осипян и Ланда, корпусные комиссары Хрулев и Родионов, комдивы Белицкий, Вольпе, Бокис и др.

Драматургия Пушкина

Доклад тов. И. Альтмана

— Пушкин — величайший русский драматург. Пусть усердные кропатели бессчетных примечаний продолжают отрицать драматизм пушкинской поэзии под тем предлогом, что русский театр долгие годы не понимал существа пушкинской драматургии. Советский театр с отвращением, на какое способно истинное искусство, отвернется от этих комментаторов.

В глубине и мощи вдохновенной трагедии «Борис Годунов» русская драматическая поэзия узнала свои особые национальные пути и истинные связи с мировой драмой Греции, с драмой Шекспира, Шиллера и Гете.

В «Борисе Годунове» прошлое России отражается глубже, чем во многих исторических исследованиях. До Пушкина наша драма была лишь внешне-русской, подражательной драмой, с Пушкиным начинает жить наша национальная подлинно-народная драма. Драматический талант, драматический гений Пушкина звучит как общечеловеческий гений, и эти общечеловеческие мотивы зазвучали как глубоко национальные.

С другой стороны, Пушкин, как никто, проникает в поэзию других народов. В маленьких трагедиях, местом действия которых являются страны Западной Европы, — и в них общечеловеческое до предельности конкретизировано обстановкой данной страны и данной эпохи.

Народность пушкинского творчества определяется высокой гражданственностью, гуманизмом и социальным пафосом, предельной заинтересованностью поэта в судьбе народа и его движении вперед, его любовью к народной поэзии, к обычаям, к истории своей страны, его пониманием высокой мировой культурной задачи русского народа.

Все эти черты полностью проявились в драматургии Пушкина.

Пушкин всем своим сердцем стремился к драматическому творчеству. Величайший художник, тончайший поэт, он сознавал, что драма — вершина поэзии. Глубокий ум его понимал важность, значимость трагедии. Он долго накапливал внутренние силы, чтобы в чудесную болдинскую осень подарить миру свои драматические шедевры.

Чрезвычайно важно отметить для творческой характеристики Пушкина, что он написал эти драмы «единым духом». Напряженность его творчества вполне совпадает с напряженностью, взрывчатостью самих драм.

Маленькие трагедии написаны в течение месяца. Закончив их, Пушкин об'единяет эти пьесы под общим заглавием «Драматические сцены» 1830. Но заглавие их не удовлетворяет поэта. Он ищет более точное название и пишет: «Драматические очерки», «Драматические изучения», «Опыт драматических изучений».

Он искал название, которое бы их об'единило и дало им определение как драматическому жанру. В письме к Плетневу Пушкин назвал свои пьесы «драматическими сценами, или маленькими трагедиями».

В чем отличительная черта этих пьес, так же, как и «Русалки» и «Сцен из рыцарских времен?» Во-первых, предельно законченное противопоставление характеров и действующих лиц, ясные, не оставляющие сомнения, характеристики героев, дающие богатую пищу для мысли.

Психологическая глубина характеров, вытекающая из самого действия.

Лаконичность диалогов и действия (впрочем, когда это нужно, Пушкин дает и большие монологи скупому рыцарю, Дон-Гуану, князю в «Русалке»).

Наконец, динамичность, взрывчатость действия, вытекающие из предельной драматической напряженности конфликта.

Пушкинские маленькие трагедии представляют как бы финал больших драм, разыгравшихся ранее (исключение представляют «Сцены из рыцарских времен»). Время действия чрезвычайно ограничено. В «Каменном госте» действие продолжается несколько дней, в «Скупом рыцаре» — два дня, а в «Моцарте и Сальери» и в «Пире во время чумы» — несколько часов.

Эти драмы — своего рода обобщения, финалы, в которых либо вкратце повторяются предыдущие действия героев («Каменный гость»), либо подводится итог каким-то конфликтам («Моцарт и Сальери»), либо подчеркивается результат больших событий, имеющих значение для многих людей («Пир во время чумы»).

Во всех этих пьесах, выражаясь словами Пушкина, рисуется судьба человеческая, судьба народная.

Но не только указанные выше черты роднят эти пьесы между собой. Это — общее, в известной степени формальное сходство. Важнее проанализировать внутреннее сходство. Что роднит эти пьесы? В чем их философское идейное единство? Призрачные цели и ошибочные намерения главных героев пьес, терпящих крушение, — вот причина, вызывающая неизбежную моральную гибель героев. Проанализируйте образы скупого рыцаря, Сальери, Дон-Гуана, председателя в «Пире» или князя в «Русалке», и вы убедитесь в этом.

Утверждали и продолжают утверждать, что зависть — основная тема в «Моцарте и Сальери». Жестокое заблуждение! Как не заметить, что речь идет о вековом споре между творчеством и ремеслом? Сальери внутренне убежден, что он прав. По крайней мере, он старается убедить себя в этом. Пушкин лишь вскользь задевает тему зависти. Пушкин рисует судьбу Сальери мрачной и злой. Моцарт умирает победителем. Сальери осталась лишь жалкая иллюзия правоты и победы, купленная ценой преступления.

Сальери полагает, что одним упорным трудом можно двигать искусство. Это — иллюзия. Пушкин в образе Моцарта показывает, что гениальность Моцарта — этого, по мнению Сальери, «гуляки праздного», дает искусству больше, чем упорные труды десяти Сальери. Сальери полагает, что, устранив Моцарта, он облагодетельствует искусство. Но Сальери не учитывает специфичности творчества гения. В этом первая его ошибка. Он, далее, не видит, что гений, помимо всего прочего, — великий труженик, но труд гения, целенаправленный, титанический, часто скрыт от нас. Гений, знающий «одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть», невидимо для нас — и часто для себя — направляет все силы своего интеллекта к одной определенной цели.

Сальери остается жив, но он морально погиб в наших глазах. Он пал жертвой чудовищной иллюзии. Смерть его друга — цена кошмарной иллюзии.

Скупой рыцарь — жертва другой ошибки. Скупой рыцарь — поэт мертвого накопления. Его стихия — стихия фанатической бережливости. Золото — ради золота, деньги — ради денег, а не ради того, что можно на них приобрести. Это своего рода мученик иллюзорной идеи, это фанатик скупости. Он так же, как и Сальери, верит в свою правоту.

Золото для него дороже сына, милее самой светлой любви. Деньги для него сами по себе стали целью. Барон лишь говорит, что обладает силой, что он царствует, но на самом деле никакой силой он не обладает, он лишь жертва своей ошибки. Ни барон, ни Сальери никогда по-настоящему не жили.

Здесь, как и в других маленьких трагедиях, обращает на себя внимание манера Пушкина рисовать характеры. Он раскрывает внутренний психологический мир героя, заставляя его наедине с собой раскрыть все сокровенные, глубочайшие мысли.

Такова и маленькая трагедия «Дон-Гуан», или «Каменный гость». Иллюзорна и любовь Дон-Гуана в «Каменном госте». То, что Дон-Гуан принимает за любовь, — это лишь призрак, и то, что его возлюбленная принимает за любовь Дон-Гуана, ничего общего с любовью не имеет. Пушкинский Дон-Гуан, в сущности, не владеет ничем. Он опоэтизировал свою мечту о любви, как Лаура воспела актерское вдохновение. Но мечту свою он ограничил, низвел до простого физического обладания. Пылкая фантазия Дон-Гуана превращает его не только в обольстителя, она делает его несчастной жертвой собственной страсти. Прав слуга его Лепорелло, обращающийся к Дон-Гуану со словами:

Довольно с вас. У вас воображенье
В минуту дорисует остальное,
Оно у вас проворней живописца.

Эта сверх'естественная фантазия Дон-Гуана должна возместить отсутствие реального, так же как сверх'естественная фантазия и иллюзия власти должны прикрыть глубокую нищету, воздержание и убожество скупого барона, владеющего несметными богатствами.

Смерть Дон-Гуана — не возмездие за порок. Он гибнет как жертва драматической иллюзии.

Картину бесцельного существования мы видим также в «Пире во время чумы». Молодежь уединилась, чтобы не видеть кошмаров смерти. Ее разгул—разгул отчаяния. Мировая литература не знает другой столь драматически напряженной сцены.

Но и здесь, как на кургане смерти, где совершается мировая вакхическая тризна, где люди предаются последней оставшейся им иллюзии любви, жизнь так же побеждает, как побеждает она всюду.

Пушкин ставит не проблему абстрактной морали, а проблему борьбы против трагических иллюзий, ошибок. Ответом на поставленные Пушкиным вопросы служат слова из песни председателя пира:

— Вою́й, дерись, ты бессмертен в борьбе как человек, хотя ты и умрешь, — как бы говорит Пушкин, — но если ты живешь без боев, без вдохновенья борьбы, ты безвозвратно погиб.

Трагичность пира не в том, что все эти люди, может быть, завтра погибнут, а в том, что жизненная философия председателя пира идет вразрез с поступками пирующих. Это не борьба, а иллюзия борьбы против смерти.

Однако песнь председателя и песенка Мэри выражают тот неизменный оптимизм, который пронизывает все трагедии Пушкина.

Вершин своей поэзии, своей веры в силу человека, оптимизма, достигает Пушкин в образе Франца из «Сцен из рыцарских времен». Это — последняя из маленьких трагедий Пушкина, написанная за два года до гибели поэта.

Оптимизм Пушкина не похож на оптимизм поверхностного и скептического эпикурейства, это — человеческая сила, идущая корнями от самой жизни. Гармония и цельность творчества Пушкина состоят в том, что оно в перспективе всегда имело победу жизни. Это роднит драматургию Пушкина с лучшими драматургами античности и в первую очередь с несравненным Софоклом. Оно основано на истинном знании жизни. Речь идет о комическом элементе в драматургии Пушкина. Пушкин никогда не боится в самом ответственном месте, при самом глубоком событии в центре развязки дать комическую развязку трагедийного переживания. У Пушкина комическое, в отличие от его предшественников, никогда не является выражением низменных чувств. У Пушкина комический элемент всегда является составным элементом драматического конфликта.

Итак, товарищи, антитезы в пушкинской драматургии проявляются и в содержании и в форме этих произведений. Человек вступает в борьбу с другими, или со всем внешним миром, или с самим собой. Он погибает или сдается в неравной борьбе, потому что он прав, но обстоятельства сильнее его (вспомните дочь мельника в «Русалке», вспомните Франца в «Сценах из рыцарских времен»). Или иллюзорность, ложность, призрачность общей идеи вступает в конфликт с конкретными и низменными целями этого героя.

Пушкин не морализирует, он отражает противоречия психики и поступков. Он сталкивает людей, преследующих противоположные эгоистические цели. Он сталкивает их, и они борются. И Пушкин как бы говорит нам:

— Вот она, жизнь, вот она вся перед вами — пошлая, грязная, жуткая, высокая, чистая, радостная, вечно юная, играющая!

Перехожу к величайшей трагедии Пушкина, к величайшей русской трагедии «Борис Годунов».

«Что развивается в трагедии? — спрашивал Пушкин, — какая цель ее? Судьба человеческая, судьба народная».

Мысль о создании драмы человеческой, драмы народной занимала Пушкина много лет. Результатом длительной творческой, теоретической и историко-исследовательской работы гениального поэта явилась величайшая русская трагедия «Борис Годунов».

Почему мы ставим «Бориса Годунова» выше всех трагедий? Почему мы называем ее величайшей русской трагедией? Потому, что «Борис Годунов» полнее и глубже какой бы то ни было другой — до и после Пушкина — изображает трагическую, полневольную судьбу народа, потому, что она находит полное и глубокое отражение в судьбе нескольких людей и особенно в судьбе Бориса Годунова. Эта трагедия с огромной силой поэтической выразительности и чуткости рисует один из наиболее важных и поворотных этапов жизни русского народа — начало смутного времени, вскрывает пружины польского нашествия на Россию, едва оправившуюся от татарского ига.

«Борис Годунов» рисует пролог большой трагедийной борьбы русского народа. Пушкин отметил последней ремаркой свою трагедию: народ безмолвствует, — народ ответил безмолвием затем, чтобы подняться и организованно, сплоченно выступить против тех, кто заполонил тогда его землю.

Вокруг «Бориса Годунова» чуть ли не со дня его опубликования велись ожесточенные споры.

Трагедию об'явили несценичной. Почти через сто лет театралы повторяли эту плоскую версию на том лишь основании, что ни один русский режиссер не понял этой драмы. Советский театр, советский режиссер должен, наконец, поставить «Бориса Годунова». Мы должны выплатить наш вековой долг гениальнейшему русскому поэту.

Великое, непреходящее в этой замечательной трагедии заключается в полном слиянии исторической и художественной правды. В этом—высшее проявление пушкинского историзма, пушкинской исторической и художественной интуиции.

Что еще выделяет эту трагедию? Прозрачная ясность идеи, единство судьбы человеческой личности с народом. Разрыв этого единства является источником трагедии в жизни.

Народность пушкинской трагедии выражена в полном слиянии эпического и лирического начала, в высшем драматизме, основой и концом, движущей пружиной и целью которого является народ, иногда безмолвствующий, но никогда не бездействующий.

Тяжело сознание того, что гениальный Белинский считал «Бориса Годунова» поражением Пушкина.

Белинский критиковал «Годунова», исходя из того убеждения, что не поэт виноват в том, что не получилось трагедии, виновата сама история. Белинский считал, что Годунов терпит поражение потому, что он не был гением, что, борясь против Шуйского и других, он сам не сумел подняться выше своих противников. Следовательно, если бы Годунов был гением, он мог бы вывести Россию из того положения, в котором она тогда находилась.

Между тем, речь идет не о гениальности Годунова, а о материальной силе, которую можно было противопоставить иноземному нашествию.

Наши историографы, квазимарксисты не заметили основной проблемы «Бориса Годунова» — проблемы интервенции, проблемы нашествия поляков и литовцев, проблемы защиты страны, проблемы организации народного движения.

Трагедия Бориса заключается не в том, что он не был гениальным человеком, а в том, что он не имеет об'ективной возможности организовать те силы, которые могли бы противостоять иностранному нашествию. И он падает жертвой своего бессилия.

Наши историки в кавычках, противопоставляя Лжедмитрия Годунову, пытались утверждать, что Лжедмитрий — прогрессивное явление.

Они даже обвиняют Пушкина в том, что он, якобы, не отдает предпочтения ни Дмитрию, ни Годунову.

Это клевета на Пушкина. Это извращение истории нашей страны.

Кто был Лжедмитрий? В чьих руках он был орудием? В руках польских панов.

Чьи интересы представлял Борис Годунов? Не интересы ли русского народа? Не заключена ли в этом образе национальная идея, которая об'единяла вокруг него силы? Такая идея безусловно была.

Что же мешало Годунову? Мешала борьба феодалов против Москвы. Все интервенционные силы действовали против Москвы, против упорной борьбы за централизованное, крепкое, могущественное государство.

Лжемарксисты не понимают прогрессивной роли этой борьбы, они пытаются истолковать заговоры и мелкие интриги верхушки феодалов как революционное движение. Они путают великое крестьянское движение Разина и Пугачева, великое народное восстание против угнетателей с мелкими верхушечными феодальными заговорами против централизованного государства.

Это извращение истории нашего великого народа должно быть разоблачено.

Обвинять Пушкина в том, что он якобы не оказывает предпочтения ни Борису, ни Дмитрию, что он похож на бесстрастного Пимена, который добру и злу внимает равнодушно, — глубочайшее заблуждение. Пушкин, в соответствии с исторической правдой, показывает нам, что Лжедмитрий — орудие в руках интервентов-поляков, и уже по одному этому не сочувствует Лжедмитрию. Пушкин изображает Лжедмитрия смельчаком и опасным демагогом. Спокойная, благородная речь Бориса противопоставлена высокопарной и лживой речи самозванца. Борис не может об'единить силы народа, и в этом трагизм этого образа.

Белинский назвал эпоху смутного времени недраматической эпохой. Ошибка Пушкина, по его мнению, заключается в том, что он избрал для своей трагедии нетрагическую эпоху.

Поэт предметом для своей трагедии должен избирать самый глубокий драматический сюжет. Является ли эпоха смутного времени трагичной? В смутное время народу угрожало порабощение. Что может быть более трагичным для народа?

«Борис Годунов» — народная драма. Народность образов, сюжетов и идей достигла здесь своей полноты. Идея этой трагедии выражена словами и поступками ее героев. Эта героическая народная идея — борьба нашей страны против иноземной интервенции. Погибает тот, кто исчерпал свои внутренние силы, кто не питается соками народа. Подвержен гибели тот народ, который не борется за свою независимость. Судьба человеческая, говорит Пушкин, — это судьба народная.

Говоря о «Борисе Годунове», я не разбирал трагедию в целом. Это делалось рядом исследователей довольно не плохо. Не в этом заключалась моя задача. Задача моя заключалась в том, чтобы рассеять особенно прочно укоренившиеся предрассудки в отношении «Бориса Годунова» и очистить этой прекрасной трагедии дорогу на сцену советского театра.

Величие Пушкина и вечная слава его в том, что он вдохнул в русскую культуру непокорную силу, сознание своего национального достоинства, достоинство человека и гражданина. И эта сила через столетие стала советской, несокрушимой, всенародной мощью. **(Аплодисменты).**

В подавляющем большинстве своих произведений Пушкин рисует конфликты между человеком и действительностью. Герои его в большинстве случаев внутренне глубоко убеждены в своей правоте, и это придает им силу убедительности и человечности. Антитезы Пушкина не схематические, нарочито очерченные противопоставления, а реальные, жизненные и борющиеся противоположности.

Оттого и люди Пушкина, наделенные каждый своими отличительными чертами и свойствами, живут своей индивидуальной и вместе с тем общечеловеческой, интересной для нас и поучительной жизнью.

Оттого они правдивы до конца, правдивы художественно и исторически, несмотря на их бытовую неправдоподобность. Оттого и драматические ситуации Пушкина правдивы и жизненны до конца, несмотря на их бытовую неправдоподобность.

Отсюда же, от столкновения характеров, от «вдруг» возникающих острых драматических ситуаций, подготовленных невидимым для нас ходом событий, от истинно человеческой вдохновенности идет народность пушкинской драматургии.

В ответ на слова Достоевского: «Смирись, гордый человек» мы скажем: непокорный советский человек идет вместе с Пушкиным, потому что первым непокорным русским поэтом был именно Александр Сергеевич Пушкин.

Драматизм Пушкина олицетворяет борьбу гения за непокорность, дерзновение. В этом его подлинная народность и вечно сияющая слава. **(Аплодисменты).**

Четвертый пленум правления Союза советских писателей СССР, посвященный памяти А. С. Пушкина

ЛЮБИМЫЙ НАРОДНЫЙ ПОЭТ

Речь тов. А. Суркова

За последние полтора месяца миллионы трудящихся в нашей стране проходили совершенно изумительный курс пушкиноведения.

И мне думается, товарищи, что этот огромный рост влияния Пушкина на читателей нашей страны, эта новая волна любви к Пушкину обязывают всех работников советской литературы как-то очень глубоко, очень серьезно и очень последовательно сделать для себя выводы о том, что говорит сердцу советского писателя это замечательное всесоюзное явление.

Доклад т. Тихонова, изобилующий большим количеством тонких наблюдений и ценных мыслей, меня не вполне удовлетворил. Я ожидал, что т. Тихонов в своем докладе ответит на целый ряд вопросов, над которыми мы с вами сейчас мучаемся, думаем и которые для нас еще не вполне разрешены.

В своем выступлении я хочу остановиться на том, что является для нас сейчас наиболее животрепещущим, на вопросе об освоении великого пушкинского наследства.

История влияния Пушкина на русскую литературу имеет целый ряд периодов спада и под'ема.

С 90-х годов прошлого столетия могучая традиция высокой гражданственности и высокой поэтичности русской поэзии усилиями символистов, усилиями представителей упадочных школ русской поэзии была загнана на тридцать с лишним лет под почву русской действительности. На передний план в русской поэзии выдвинулись такие школы, как символизм, акмеизм и футуризм. Эта ликвидация героической традиции пушкинской поэзии шла под знаком, под знаменем якобы возрождения пушкинского эстетического кодекса.

В противовес пушкинскому «Памятнику», в противовес всему, что включает подлинный образ Пушкина — поэта и гражданина,— символизм выдвинул на первый план ту сторону творчества Пушкина, которая выявляла все подспудное, ущербное, тяжелое, что рождалось в минуты наибольшего ощущения поэтом глубокого и непоправимого разрыва его с тогдашней средой.

Знаменем этих людей, пытавшихся замкнуть русскую поэзию в «башне из слоновой кости», были строки Пушкина:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Футуристы, поднявшие бунт против мертвечины символистического этапа поэзии, против гниения и застоя тогдашней поэзии русской, в числе прочих лозунгов выдвинули лозунг: «Сбросим Пушкина с корабля современности».

В молодости своей и советская поэзия прошла через период такого нигилистического отношения к пушкинскому наследству. Чтобы не быть голословным, я позволю себе показать, как довольно видные советские поэты относились к Пушкину и пушкинским традициям.

Велемир Хлебников пишет:

«Мы требуем раскрыть пушкинские плотины и сваи Толстого для водопадов и потоков черногорских сторон надменного русского языка».

Илья Сельвинский выпуская программный сборник «Госплан литературы», к одному из своих произведений делает такое примечание:

«Таковы первые примитивы захвата песни средствами разговорной речи. Это выведет орнаментику поэзии из мертвечины пушкинских и лермонтовских «песен».

Николай Асеев, обращаясь к молодым поэтам, таким образом определяет значение и место Пушкина в русской поэзии:

«Обобщающей темой для обеих поэм Пушкина (имеются в виду «Полтава» и «Медный всадник») является тема торжествующей государственности, централизма, верховной воли, перед которой судьба отдельного человека — ничто. Эта тема настолько явно выступает в обеих поэмах, что нет нужды доказывать подробно сознательность выбора Пушкиным главной линии своего жанра, проводимого в нужных ему темах. Эти темы были следствием его миросозерцания, его идеологии. Этим и определяется тот сословный государственный жанр, в котором работал Пушкин».

У чуткого поэта, у поэта, часто сетующего на то, что к поэтам живым относятся не всегда внимательно, ничего не нашлось во всей этой книжке, посвященной поэзии, сказать о Пушкине, кроме этих поражающих своей узостью и своей глубокой неправдой слов.

Пушкинское наследство замечательно тем, что оно является и живым воплощением народности в самом хорошем и широком смысле этого слова, и живым воплощением той недосягаемой еще для большинства наших поэтов меры постижения мастерства, когда форма перестает быть средостением между поэтом и читателем. Пушкинское наследство, замечательное своей открытой, прямой, непосредственной связанностью с человеческой жизнью, было погребено на долгие годы под словесной шелухой символистов, акмеистов, отдалено от советской поэзии нигилистическими лозунгами футуристов и вульгарных социологов.

Пушкинский язык — яркий, сочный и живой, сила пушкинских образов, покоящаяся на неразрывной связи с реальным миром, — все это замерло под рукой символистов в этом мистическом холоде. Русский литературный язык символистов стал языком постным, абстрактным, кото- рый не мог, когда мы пришли в новую эпоху революции, служить нам, не мог выразить то огромное реальное и вещественное содержание, которое внесла в нашу жизнь Великая Октябрьская Социалистическая Революция.

У нас есть много поэтов, которые до сих пор еще не могут освободиться от влияния акмеизма, поразившего наших поэтов своей кажущейся предметностью, трехмерностью. Но эта трехмерность, если вдуматься, была бутафорской, картонажной и при ближайшем рассмотрении оказалась полой внутри.

Все это уводило поэтов от того, чему они являются прямыми и непосредственными наследниками. Уводило от Пушкина.

Пушкин был человеком, впервые назвавшим народный язык благородным материалом для строения поэзии. Пушкин был первым человеком, который показал, какую могучую силу обретает этот простонародный — как он выражался—язык от соприкосновения с могучим гением поэта.

Пушкин настойчиво говорит о великом значении русского языка для поэтов. Он пишет:

«Молодые поэты! Изучайте сказки, предания, переданные народным языком».

«Алифьери изучал итальянский язык на флорентийском базаре: не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирням. Они говорят удивительно чистым и правильным языком».

Тихонов уже говорил в своем докладе о глубоком уважении Пушкина к народному языку и о том, что сделано Пушкиным для русской литературной речи.

Я хочу в связи с этим напомнить о попытках наших поэтов ввести новую языковую среду в свою стихотворную работу. Вспомните, на чем держится колорит уткинских двух поэм — «Поэмы о Рыжем Мотеле» и «Поэмы о милом детстве» В этих поэмах блатной жаргон является не естественной потребностью содержания произведения, а средством както расцветить произведение, мистифицировать читателя. Вспомните ранние опыты Сельвинского. Вспомните попытку Сельвинского ассимилировать в стихи традиции народнопесенного языка:

Крала баба груздi,
Крала баба гроздi,
Крала баба гвоздi
и горох...

Вспомните опыты Василия Каменского и ряда ленинградских поэтов в период их увлечения «братишками», и нам станет ясно, что эти слова Пушкина о закономерности становления литературного языка предостерегают нас от увлечений, на которых мы ожглись и на которых потерпели очень много глубоких и очень серьезных поражений.

Следующий вопрос, требующий срочного и серьезного разрешения, это вопрос о взаимодействии формы и содержания. Маяковский, о котором хорошо и тепло говорил здесь т. Тихонов, блестяще показал, какие закономерности управляют процессом обновления формы стиха, процессом обновления стихового инвентаря.

Я должен напомнить слова Пушкина. Он писал: «Тонкость не доказывает еще ума. Глупцы и даже сумасшедшие бывают удивительно тонки. Прибавить можно, что тонкость редко соединяется с гением, обыкновенно простодушным и с великим характером, всегда откровенным».

Два с половиной года тому назад, здесь, в этом зале, с этой трибуны шла канонизация представителей той части нашей советской поэзии, для которых характерна пресловутая «тонкость».

Мы не могли согласиться с этим. Мы тогда здесь же напомнили, что стихи, лишенные глубокого дыхания и лишенные прогрессивной исторической значимости, как бы тонки и виртуозны они ни были, эти стихи не могут оказаться в золотом фонде, которым наша эпоха будет отчитываться перед человечеством **(Аплодисменты)**.

Творчество Пушкина предстает нам как высокий пример соединения блестящего мастерства с глубокой и органической гражданственностью.

Пушкин предстает перед нами как человек, овладевший в своем творчестве самым замечательным, самым передовым, что было в обществе его времени. В образах Пушкина остались, ушли в историю люди, определявшие характер его эпохи, люди, составлявшие квинт-эссенцию его времени.

И вот Пушкин предстает перед нами и сегодня и спрашивает нас — что мы сделали для того, чтобы в стихах своих показать величие, показать силу, показать характер рабочего класса, ведущего за собой сейчас миллионы трудящихся, являющегося подлинной квинт-эссенцией общества в наши дни.

Мы должны сказать в эту годовщину, что мы мало, почти ничего для этого не сделали. У нас очень много ярких описаний трагических Полуяровых, Опанасов, многих людей, которым пришлось в революцию долго искать своего места. У нас много написано стихов, отражающих переживания людей, которых революция должна была переделать, и у нас очень бедна лирика класса гегемона нашего времени, которая должна стать наиболее прогрессивной и ведущей.

Эпоха выдвинула Стаханова на поверхность жизни. У нас еще нет Стаханова. Это надо прямо сказать.

Пушкин в одном месте говорит, что многие исторические романисты в тот век, в который хотели перенести читателя, перебираются сами с тяжелым запасом домашних привычек, предрассудков и дневных впечатлений.

К сожалению, многие из нас в молодой социалистический век перебрались с запасом домашних привычек, предрассудков прошлого, дооктябрьского времени. И все это слишком долго выветривается из нашей психики, из нашей системы понимания мира.

Есть у Пушкина еще и другое высказывание, которое помогает нам уяснить нашу беду:

«Понятия и чувства 18-летнего поэта еще близки и сродни всякому. Молодые читатели понимают их и с восхищением в его произведениях узнают собственные мысли и чувства, выраженные ясно, живо и гармонически. Но лета идут, юный поэт мужает, талант растет, понятия становятся выше, чувства изменяются, песни его уже не те, а читатели те же, разве только сделались холоднее сердцем, равнодушнее к поэзии жизни. Поэт от'единяется от них и мало-по-малу уединяется совершенно».

Если теперь мы читателя поставим на место поэта, то увидим, что в этих словах как бы предначертана судьба очень многих советских поэтов, которые когда-то являлись глашатаями нового кодекса чувств и нового кодекса мыслей молодого поколения революции, а потом проделали тот путь, о котором говорится в пушкинских строках в применении к читателям. Читатель-то вырос, читатель-то стал человеком с мировым масштабом мышления, а поэт, подобно рыцарю Гринвалидусу, «все в той же позиции сидит».

Пушкин писал: «Век может итти себе вперед. Наука, философия и гражданственность могут усовершенствоваться, изменяться. Но поэзия остается на одном месте. Цель ее одна, средства те же и между тем, как понятия, труды и открытия великих представителей старинной астрономии, физики, медицины и философии состарились и с каждым днем заменяются другими, произведения истинных поэтов остаются свежими и вечно юными. Поэтическое произведение может быть слабо, неудачно, ошибочно. Виновато уже верно дарование стихотворца, а не век, ушедший от него вперед».

А у нас, товарищи, очень многие склонны обстоятельства и горечь, относящиеся к личному хозяйству, перекладывать на плечи все несущего века.

Наша поэзия много искала. Наша поэзия имеет немалые достижения за малый исторический срок, за 20 лет. Наша поэзия много истратила энергии на то, чтобы стучать в открытую дверь, на то, чтобы путаться в лабиринтах многочисленных групп, группочек и течений, которые были характерны для первого десятилетия ее развития.

Но время возмужало. Читатель наш возмужал. Читатель наш теперь исчисляется многими десятками миллионов и этот читатель, голосующий за Пушкина, требует от нас, чтобы мы для нашего времени, отстоящего на 100 лет от пушкинского, для нашего времени, неизмеримо более совершенного, чем время пушкинское, чтобы мы для этого времени находили в сердце своем, в разуме своем и выливали в поэтические образы ответы на вопросы, которые волнуют сегодняшнего человека.

При всех наших шатаниях и заблуждениях, при всех наших детских болезнях роста мы все-таки выше наших предшественников, потому что мы упорно искали верный путь и нашли многое из того, что поможет нам быстро восстановить великую традицию, великую преемственность народной русской литературы.

Я, товарищи, не отважусь сказать, что Пушкин поры социализма уже состоит в Союзе советских писателей.

Я, товарищи, не отважусь сказать, что те свершения, для которых созрела эпоха, целиком и полностью под силу коллективу людей, ныне представляющих советскую поэзию.

Но, да будет, товарищи, все-таки исторически установлено, что мы при молодости своей, при ошибках своих, при всей нашей детской неуклюжести, при блужданиях наших, мы своими стихами все-таки делали великое дело подготовления прихода этих замечательных Пушкиных общества времен социализма. **(Аплодисменты)**. И что, если даже у кого-нибудь может остаться в сердце горечь по поводу того, что он не оказался этим избранным, что не он сказал то слово, которое сказал Пушкин, придя в русскую поэзию первой четверти XIX века, — у каждого из нас должно быть твердое ощущение того, что только из нашей среды, только из среды людей кровью своей, биографией своей, судьбою своей связанных с нашей великой социалистической революцией из среды людей, мысли и думы которых всегда вместе с мыслями и думами бойцов, идущих впереди человечества к коммунизму, — появятся эти многие, эти говорящие на всех языках мира Пушкины социализма. **(Аплодисменты)**.

ПУШКИН И УКРАИНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Речь тов. Павло Тычины

Из наследия Пушкина черпали мы всегда. Из наследия Пушкина черпаем и теперь и будем черпать без конца, потому что мы хотим вечно беседовать с певцом радости и счастья, с поэтом-гигантом.

В ожидании пушкинских дней весь этот год, два года, мы вспоминали до мелочей все те места, где он бывал когда-то на Украине, с кем виделся, с кем говорил.

Ожидая Пушкина, весь этот год, два года, мы были уверены, что он еще и еще раз своими бодрыми шагами пройдет по четырем пушкинским маршрутам, да не только по маршрутам, а по всей Украине, по всем ее селам, городам,—но уже новым, обновленным, расцветшим. А ходить по Украине Пушкину сейчас ведь особенно радостно.

Имею ли я право смешивать в одно такие разные, такие непохожие две эпохи, между которыми легло целое столетие? И не хочу ли я здесь каким-то образом Пушкина непосредственно с нашим временем связать, осовременить? Конечно, нет. Но я беру здесь хождение Пушкина фигурально, и только фигурально.

День долгожданный настал. Одиннадцать республик Советского Союза принимают Пушкина сегодня торжественно, всенародно. И каждый из народов, не возражая другому, повторяет: родной, любимый, наш.

Любимейшим, родным, близким, популярнейшим Пушкин стал только после Великой Пролетарской Революции. Но влияние Пушкина на литературу других народов, угнетенных народов царской России, началось давно, еще при жизни поэта, или ж-по крайней мере, сразу после его гибели.

Пушкин прозвучал по-украински впервые в 1830 году, когда в журнале «Вестник Европы» (№ 3) Боровиковский напечатал свой перевод стихотворения «Два ворона». Чем интересен для нас этот перевод? Да тем, что он, в основном будучи исполнен не плохо, в двух местах имеет такие исправления:

У Пушкина:
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитой.
У Боровиковского:
В чистом полі кущ рокити,
Під кущем козак убитий.

То же в конце стихотворения «Хозяйка молодая»: изменено на «козачка молодая».

А разве эти поправки о чем-нибудь говорят нам? Ведь и в песне народной поется:

Під бітою березою
Козаченька вбито

Украинской песней Боровиковский хотел Пушкина расцветить. Через сито этнографии хотел Боровиковский Пушкина просеять, а что из этого вышло—нетрудно догадаться.

Для того чтобы не было неясности, сразу же нам нужно отметить, что переводы украинских романтиков, несмотря на все их ошибки, все-таки были явлением положительным для украинской литературы.

Если романтики подносили народу на блюдечке Пушкина, подслащенного песней, то безрассудные подражатели бурлеска тоже предлагали своего искаженного Пушкина, не менее сладкого, а вернее сказать—горького.

Пушкина, вообще-то говоря, они мало понимали. Это видно из выбора самих произведений, взятых для перевода, а также из тех титулов, которыми они награждали великого русского поэта.

Сочинитель повестей Сомов, напечатав свой «Голос украинца при вести о взятии Варшавы», преподносит его Пушкину с такой надписью:

«Ясновельможному пану гетьманичу найяснійшому Аполлону Александру Сергеевичу Пушкину от найнижчого подножки Парнаського Порфирия Байського» Бедный Пушкин.

Потянули его за руку украинские запоздалые культиваторы бурлеска и насильно в кресло гетмана усадили. А все потому, что привыкли они, как говорил Иван Франко, «смотреть на мир и на людей глазами певучего крестьянина, аффектировать крестьянскую наивность, начинать стихотворение зорьками, солнцем, тучками и соловушкой».

А тут вдруг наивность крестьянская давно уже начала превращаться в серьезность, серьезность нарастающей борьбы революционной. Да и сам вечно один и тот же тихонький размер их стихов, в котором удобнее всего было соловушкам гнездиться, начал вдруг переходить в боевой, огненный ямб—сначала Пушкина, а потом и Шевченко. Задержать—значит надо старину благословенную задержать, культивировать. Вот откуда все эти искривления и поправки, вот откуда окрошка словесная. Заливание бурлеском продолжалось до тех пор, пока в литературу украинскую не пришел тот, кто уже не нуждался в ситах и решетах этнографических. Да и зачем ему песенность просеивать, когда он сам — творец и средоточие песни народной. Зачем ему бурлеск, когда он сам — источник чистый неиссякаемого народного языка. Это — Шевченко. И у него мотивы Пушкина зазвучат уже по-иному. Шевченко никогда не переводил Пушкина, но он больше понимал его, нежели те, которые переводили. Шевченко никогда не встречался с Пушкиным, но он больше был с ним связан, нежели те, которые при встречах с русским поэтом называли его ясновельможным. С каждым годом эта близость между двумя поэтами все больше и больше крепла, пока совсем не переросла в родство. Родство Шевченко с Пушкиным в чем? Да в том, что в то время, когда эпигоны Котляревского совершенно забыли о народе, под вкусы которого они подделывались, Шевченко, подобно Пушкину, всей жизнью, собою жертвовал для своего народа.

В то время, когда и сам Котляревский, открыв путь в украинскую литературу простому языку народному, не использовал однако всех красот последнего, Шевченко, подобно Пушкину, стал основоположником слова литературного, современного.

А реалистический язык Шевченко? А интимная его лирика? А лирика политическая, обличительная? И все это зачерпнуто в одном источнике с Пушкиным.

Единый источник во времени или же в логике развития революционных действий? Ведь Пушкин и Шевченко не являются представителями одного поколения. 40-е годы совсем не похожи на 60-е.

Но если от первого поколения революционеров-декабристов неотделима поэзия Пушкина, то точно так же неотделимой будет поэзия Шевченко от следующего поколения, от тех революционеров, дело которых, по словам Ленина, подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского.

В логике развития действий революционных общим источником для Пушкина и Шевченко была ненависть к деспотии, любовь к передовым людям своего времени.

Но в чем все-таки это родство выражается конкретно? Прежде всего— во взгляде на призвание поэта.

У Пушкина:
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.
У Шевченко:
Молю ридаючи: пошли,
Подай душі убогий силу,
Щоб огненно заговорила,
Щоб слово пламенем взялось,
Щоб людям сердце розтопило.

Этот глагол, это огненное слово, которое жжет сердца людей, у Шевченко проходит по всему его творчеству. Тут уже надо говорить не о влиянии Пушкина на Шевченко, а о созвучности русского гения и гения украинского. Да оно и понятно. Ведь Шевченко как поэт вырастал на поэтической культуре лучших поэтов Запада и России, среди которых одно из первых мест занимает Пушкин. И здесь не случаен внутренний контакт с ним у Шевченко. Наоборот, контакт этот вытекает из восприятия декабристов. Но, собственно говоря, в тех местах, где эта созвучность во влияние переходит, мы правдиво должны показать это влияние, нисколько этим Шевченко не умаляя. Но вот хотя бы взять одинаковое применение общих приемов поэтических широкий фон исторический в «Медном всаднике» и такой же самый фон в «Неофитах» Шевченко.

То же и относительно политической сатиры Шевченко, которая в ведущий жанр развилась у него под значительным влиянием Пушкина.

У Пушкина чернь говорит:
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы глупцы.
У Шевченко:
Ми серцем голі дотола!
Раби з кокардою на лобі.

Родственность обоих поэтов чувствуется и тогда, когда только одинаковые темы взяты, а разработаны они по-разному («Русалка» Пушкина, «Причина» Шевченко).

Родственность обоих поэтов чувствуется даже тогда, когда только отдельные картины похожи, а не все произведение (цыганский лагерь у Пушкина в «Цыганах» и в «Відьмі» Шевченко, картина оргии из «Египетских ночей» Пушкина и в «Неофитах» Шевченко).

Родственность и там, когда, например, темы и образы одинаковы, а поданы они идейно и творчески по-разному (образ Петербурга и памятника Петру I в «Медном всаднике» и тот же образ в поэме «Сон» Шевченко).

Шевченко настолько сродняется с Пушкиным что он его вспоминает и в светлую, и в тяжелую минуты своей жизни. Артистке Пиуновой, на которой поэт имел намерение жениться, Шевченко читает «Сцены из рыцарских времен» Пушкина. В бессонную ночь, в ссылке Шевченко строит каркас новой своей поэмы и образцом для нее выбирает «Анджело» Пушкина. В повести «Матрос» Шевченко, или, вернее, тот, от имени которого ведется повествование, говорит:

«Стихи Пушкина не сходили у меня с языка, пока мы под'езжали к селу».

Поэзия Пушкина не сходила с языка Шевченко всю жизнь его. И свидетельством этому, кроме всех только что приведенных примеров, слова Кулиша Панька, который говорит, что Шевченко «Пушкина знал наизусть, даром что писал не его речью, не его складом». Эту родственность обоих поэтов по-настоящему оценивали современники, которые в 1859 году в Лейпциге издали их вместе в одной книге—Пушкина по-русски, Шевченко по-украински. Это издание имело большое общественное и политическое значение, так как оба поэта были символом ненависти к реакции.

Такое же влияние Пушкин оказал и на Кулиша, хотя тот его принимал по-своему, через свои очки монархические, и на Старицкого, Грабовского, Лесю Украинку, Ивана Франко. Иван Франко, уже будучи совсем больным, почти перед самой своей смертью, принимается за переводы всех драматических произведений Пушкина. А это уже было постаментом для памятника Пушкину в украинской литературе.

И тут сто раз жалким является желание украинских националистов принизить значение Пушкина для украинской литературы, стереть, уничтожить.

Надо сказать, что переводам Пушкина на украинский язык не так-то легко было пробиваться. Без всяких причин печатание их откладывалось, затягивалось, нарочно теряли их в цензуре, а то и просто «о высочайшего повеления» запрещали. И только после Великой Пролетарской Революции Пушкин прозвучал по-настоящему, по-новому.

Одиннадцать республик Советского Союза принимают Пушкина сегодня торжественно, всенародно. Одиннадцать республик выше облака летучего поэта на гордые свои руки поднимают. Родной! Любимейший! Наш! И каждый из народов, не возражая другому, повторяет: «Родной! Любимый! Наш!»

Звучание Пушкина теперь уже не ограничивается одним только участком литературы, а широко оно идет, проникло во все области жизни нашей героической. Но если остановиться на поэзии советской Украины, то там, в связи с Пушкиным, есть о чем сказать. И о почетном труде Максима Рыльского над переводом «Евгения Онегина», и о переводах Ивана Кулика, Миколы Бажана, Леонида Первомайского, Миколы Терещенко, Е. Фомина, А. Малышка...

Исполнилось пророчество Пушкина:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

Подумать только: тогда еще, в те времена жестокие, когда Россия покоряла дикие и не дикие народы,— Пушкин считал, что единственным и наилучшим памятником ему будет памятник такой, когда все народы, все племена, все нации будут знать его, будут его изучать.

Этим он как бы подает свою руку нашему веку, всем народам великой социалистической отчизны нашей.

Пушкин! Пушкин! Если бы только знал, на какой земле золотой, пребогатой мы тебя чествуем. Ты мечтал о счастье для всех? Ты мечтал о счастье, связанном со свободой? Вот оно, то счастье великое широкое, неиссякаемое. Во всех домах, во всех сердцах щедрою рукою разлито. А кто же дал нам это счастье, кто путь открыл миллионам к социалистической культуре? Великая Пролетарская Революция. А кто же щедрой рукой радостью всех нас насытил? Славная наша коммунистическая партия, вождь ее, вождь мирового пролетариата товарищ Сталин. **(Аплодисменты)**.

НЕ ОТСТАВАТЬ ОТ ЖИЗНИ

Речь тов. Дж. Алтаузена

Товарищи, столетие со дня смерти Пушкина превратилось в подлинно народный праздник. Все необ'ятные просторы нашей расцветающей родины оглашались песнями великого поэта. Советский народ с любовью и благодарностью прильнул к светлому пушкинскому роднику, который за 100 лет нисколько не помутнел. И он, этот светлый, чистый родник раскрылся перед нами во всей своей ясной глубине.

Триумф Пушкина вселяет в нас, советских писателей, чувство гордости за нашу великую русскую литературу, последователем которой, продолжателем ее благородных традиций является наша многонациональная, расцветающая, растущая советская литература.

Но кроме чувства законной гордости, мы, советские поэты, испытываем и некоторую неловкость за себя, за свою работу, которая в свете гигантской работы Пушкина кажется нам и малозначительной и, главное, не всегда соответствующей тем великим задачам, которые выдвигает перед нами наша прекрасная, наша неповторимая, озаренная сталинским гением эпоха.

Тема «Пушкин и советская поэзия» встает перед нами в полный рост, потому что для Пушкина, самого народного нашего поэта, поэзия была огромной важности делом. Она была орудием нравственного воспитания общества, была формой борьбы за политическую независимость народа.

Кроме бессмертного интернационального значения Пушкина, в его творчестве русский народ, русский характер, русская душа, русский быт, русские нравы и обычаи, надежды русского народа на свое грядущее торжество нашли яркое и неповторимое выражение.

Вот почему нет ничего удивительного в том, что в свете гигантской работы Пушкина нам, советским поэтам, наша работа кажется малозначительной и внушает беспокойство и опасение.

На самом деле, можем ли мы, советские поэты, сказать, что для нас, так же как и для Пушкина, поэзия стала орудием нравственного воспитания общества? Можем ли мы, советские поэты, сказать, что в нашем творчестве нашла яркое отражение наша многогранная многонациональная лучезарная жизнь многомиллионного, впервые выпрямившегося в полный рост, советского народа?

Этого мы во многих случаях сказать не можем.

Для того чтобы не быть голословным, я позволю себе остановить ваше внимание на одном из поэтов современности, которого давно уже стало модным величать высокоавторитетным, высокоталантливым, высокоодаренным, которого Бухарин на с'езде советских писателей назвал крупнейшим мастером современности, которого, повидимому, для того, чтобы не отстать от Бухарина, проворная стая декадентствующих, эстетствующих гимназистов от критики в священном каталепсическом состоянии пыталась выдвинуть в лучшие поэты советского народа.

Я приведу вам цитату из статьи одного из этих критиков — Анатолия Тарасенкова, который в 1936 г. в журнале «Знамя», разбирая действительно замечательные стихи Тихонова о Кахетии, писал следующее:

«Стихи о Кахетии» Николая Тихонова по всем своим художественным данным могут быть сравниваемы только с работой Бориса Пастернака. А это означает, что «Стихи о Кахетии» — лучшее из написанного советскими поэтами за последние годы. Они реальный симптом преодоления того «отставания», о котором у нас так много и бесплодно говорилось».

Следовательно, если мы не хотим отставать от действительности, если мы не хотим отставать от жизни, если мы хотим давать высококачественные произведения, то мы должны по Тарасенкову писать так, как пишет Борис Пастернак, крупнейший, с его точки зрения, мастер современности, один из лучших, с его точки зрения, поэтов советского народа. И Тихонов по Тарасенкову не отстает от жизни, не отстает от действительности, дает высококачественные показатели именно потому, что он равняется по Борису Пастернаку, именно потому, что он пишет так, как Борис Пастернак.

Если это действительно так, если действительно Пастернак является одним из крупнейших поэтов советского народа, если действительно Пастернак является крупнейшим мастером современности, если действительно Пастернак является качественным мерилом для нашей советской поэзии, то позволительно будет в свете пушкинского триумфа в свете тех задач, которые выдвигает перед нами жизнь, проверить отдельные качества и особенности поэзии Пастернака для того, чтобы, если это действительно подтвердится, сделать его творчество достоянием широчайших миллионных масс нашего Союза.

А ведь мы, товарищи, знаем, что в наше время только поэт, оплодотворенный идеями Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина — так же как в свое время Пушкин был оплодотворен передовыми идеями своей эпохи, только поэт, который связал свою личную судьбу навеки и безраздельно с судьбой миллионных масс, только поэт, который прекрасно понимает всемирно-исторический характер нашего соцстроительства, только поэт который каждое свое слово каждую свою строку, каждую свою песню пишет, по выражению тов. Ленина, «имея перед глазами рабочих и крестьян», только такой поэт имеет право рассчитывать на любовь советского народа, только такой поэт имеет право числиться в передовых рядах советской поэзии.

Есть ли эти качества у Бориса Пастернака? Давайте проверим по его собственным словам, по его программным стихам и, в частности, по одному его программному стихотворению «Определение поэзии».

В этом стихотворении он, обобщая опыт поэзии, говорит, что поэзия:

Это — круто налившийся свист,
Это — щелканье сдавленных льдинок,
Это — ночь, леденящая лист,
Это — двух соловьев поединок.
Это — сладкий заглохший горох,
Это — слезы вселенной в лопатках...

Таким образом выясняется, что поэзия для Пастернака не орудие, прямой наводкой бьющее по врагу, не способ познания и отражения жизни, не форма борьбы, а, наоборот, — орудие обороны от всякой борьбы, а, наоборот способ укрывательства от жизни под видом защиты своей творческой индивидуальности, а, наоборот, форма противопоставления себя народу под видом высокой, в высшей степени тонкой деятельности в области чистого духа. Если это

Окончание см. на 6 стр.

Поэты Узбекистана на IV пленуме правления Союза советских писателей СССР. Справа налево: Мад жиди, Айдин, Айбек, Насыров.
Фото Бабст и Дэвлет.

■ ■ ■

Окончание речи тов. Дж. Алтаузена

Начало см. на 5 стр.

так, то следует со всей большевистской резкостью и прямотой заявить, что Пастернак — «крупнейший мастер современности», по утверждению Бухарина, «лучший поэт советского народа», по утверждению Тарасенкова и Мирского, — не является ни крупнейшим мастером современности, потому что для нас оголенное мастерство оторванное от живых источников жизни, есть выражение не силы, а слабости **(аплодисменты)**, ни лучшим поэтом советского народа, ибо для поэта советского народа — поэзия это не «щелкание славленых льдинок», не «сладкий горох», а также, как и для Пушкина, священное оружие борьбы за светлое настоящее и будущее всего человечества. **(Аплодисменты)**.

В свете гигантского общественного диапазона Пушкина, охватывающего своим творчеством целую эпоху, бухаринские, тарасенковские, Мирского ориентиры на комнатную, в лучшем случае, поэзию Пастернака, есть не что иное,—я беру на себя смелость это утверждать,— как дезорганизация литературного фронта.

Сейчас, когда в смертельной схватке с врагами, с диверсантами и шпионами, агентами фашизма, советский народ строит невиданное в истории социалистическое общество, когда по далеким снегам Камчатки, по суровым полям Сахалина, по знойным полям Молдавии, по предгорьям Сванетии шагает гордой большевистской поступью новый человек, ежесекундно вступая в бой с косностью, с кровавой жадностью старого мира, ему нужно слово, вдохновляющее его на подвиг, ему нужно слово, согревающее его, ему нужно слово подобно пуле настигающее врага и разящее его в самое сердце. И в это время ему подсовывают Б. Пастернака, который ничего не хочет знать, ничем не хочет интересоваться, который прожил немалую жизнь, пройдя мимо величайших событий, как равнодушный наблюдатель, брезгливо стряхивая их пыль со своих ног; который продолжает жить в пресловутой башне из слоновой кости, изредка высовывая из форточки свое одухотворенное лицо для того, чтобы спросить нового человека, своей кровью завоевывающего для всего человечества и в том числе для Пастернака и его детей, светлое будущее, — для того, чтобы спросить у этого человека: «Скажи, милый, у вас тысячелетье на дворе?».

И этого оторванного от действительности поэта Бухарин и его приспешники пытались выдать нам за одного из лучших певцов советского народа! Они прекрасно понимали, что корни пастернаковского творчества не в нашей действительности, а в предреволюционной, что его творчество взошло на почве старой буржуазной рафинированной культуры. Он вышел из среды той старой интеллигенции, которая, претерпев буржуазное перерождение, добилась сытой, комфортабельной, удобной жизни, позволяющей ей с пренебрежением смотреть на окружающую обстановку и стоять в стороне от битв и столкновений. Эта интеллигенция до революции была замкнутой кастой. Вся борьба, происходящая вокруг нее, весь мир казался ей наполненным хаосом. Единственной реальностью казался ей изолированный от общества индивидуум. Поэзия Пастернака была и остается до сих пор поэзией изолированного от общества, рафинированного интеллигента, который, якобы жертвует всем во имя святой деятельности в области чистого духа, но одновременно он не хочет расставаться с удобствами жизни.

Пастернак не отталкивался от своей среды. У него не было разлада с ней. Это почва, на которой он взошел. Он всегда был влюблен в эту свою среду. И несмотря на то, что революция размельчила ее до мельчайших крупиц, он продолжает сохранять ей рыцарскую верность, продолжает жить воспоминаниями об этой бесконечно милой ему среде. И когда под нажимом советской общественности он обращается к нашей действительности, то часто лишь для того чтобы клеветать на эту действительность.

Прочтите его «Летние записки» в одном из номеров журнала «Новый мир», где он клевещет на наш благородный гуманный народ, который якобы, душит его творческую пастернаковскую индивидуальность, который

«... как свое изделье
Кладет под долото
Мои мечты и цели ..»

Прочтите его «Охранную грамоту», где он обнаглел до того, что осмелился заявить, что Маяковский только до революции был поэтом, что выстрел Маяковского закономерен, и что только этот выстрел напомнил ему, Пастернаку, что Маяковский когда-то был поэтом.

Он пишет:

«Пока он существовал творчески, я четыре года привыкал к нему и не мог привыкнуть. Потом привык в два часа с четвертью, что длилось чтение и разбор нетворческих «150.000.000». Потом больше десяти лет протомился с этой привычкой. Потом вдруг разом ее в слезах утратил, когда он **во весь голос** о себе напомнил, как бывало, но уже из-за могилы».

Присовокупите к этому его строчки из стихотворения «Смерть поэта», где он, восторгаясь выстрелом Маяковского, говорит:

«Твой выстрел был подобен Этне
В предгорьи трусов и трусих».

И вам станет ясно, для чего Пастернак приземляется к нашей действительности из области чистого духа.

Вспомните его издевательские стихотворения, в которых есть строчки:

Напрасно в дни великого совета,
Где высшей страсти отданы
места,
Оставлена вакансия поэта, —
Она опасна, если не пуста.

В этом стихотворении Пастернак развивает тезис о несовместимости социализма и искусства. Я, мол, не против вашего социализма, но как быть с поэзией, с моей творческой индивидуальностью?

Не будем юродствующему поэту об'яснять, что только при социализме поэзия становится подлинным достоянием миллионных масс, понятной и любимой миллионами. Пастернак говорит, что вакансия поэта при социализме становится слишком опасной.

Да, совершенно верно, его вакансия, вакансия реставратора буржуазного декаданса, в нашем советском искусстве становится опасной, потому что советский народ уже дорос до понимания — кто друг, кто враг, даже в такой тонкой области, как поэзия. **(Аплодисменты)**.

Товарищи, как это могло получиться, что поэт, чуждый не только по своему мировоззрению, но и по творческому методу, мог так долго числиться одним из лучших поэтов советского народа?

Я говорю чуждый метод, ибо у Пастернака затемнение смысла, зашифровывание мыслей, пресловутая непонятность есть не что иное, как сознательный принцип ухода от действительности.

Ах, этот творческий метод Пастернака! Если подойти к нему с точки зрения пушкинской ясности и простоты, с точки зрения просто психически здорового человека, с точки зрения здравого смысла, то что останется от этого творческого метода?

Ну, что с этой точки зрения могут означать такие строчки Пастернака, где он говорит, что поэзия — «это слезы вселенной в лопатках?».

Или что значат такие строки:

«У всех велось, что-б за обедом,
Хотя-б на третье дождь был
подан,
Меж тем, как вихрь велосипедом
Летал по комнатным комодам».

Эти строки с точки зрения пушкинской ясности и простоты, с точки зрения здравого смысла, есть не что иное, как самый настоящий сумасшедший клинический бред.

Я спрашиваю у пленума ССП: как это могло получиться, что в течение долгого времени группа людей во главе с Бухариным и его подголосками — Мирским и Тарасенковым подсовывали Пастернака советскому народу, как одного из лучших его поэтов, одновременно дисквалифицируя и оттирая таких поэтов, как Демьян Бедный, Безыменский, Первомайский, Машашвили, Зарьян, Фефер, Голодный, Сурков, Прокофьев, Жаров, Саянов, Светлов — поэтов, которые, несмотря на многие свои недостатки, кровно связаны с советским народом, вскормившим и выняньчившим их.

Такое положение могло получиться только в результате ошибочных докладов Бухарина и Радека на с'езде ССП, которые неправильно ориентировали нашу советскую общественность. Это могло получиться в результате ротозейства, либеральной размагниченности некоторой части нашей критики.

Товарищи! Столетие со дня смерти Пушкина призывает нас к борьбе за освоение его великого наследства, к борьбе за такую же, как пушкинская, ясную, простую и любимую миллионами поэзию, за поэзию, которая была бы художественным проводником идей нашей коммунистической партии, за поэзию, беспощадно разящую врагов коммунизма, за поэзию любви и ненависти, за поэзию, очищенную от всякого формалистического уродства, за поэзию пушкинской ясности и простоты, за поэзию сталинской мудрости, сталинской страстности, сталинской нежности, сталинской ненависти и сталинского накала. **(Бурные аплодисменты)**.

От редакции

Доклад т. Ставского «Подготовка к двадцатилетию Великой пролетарской революции» и прения по докладу будут опубликованы в следующем № 12 «Литературной газеты». В том же № 12 будут помещены выступления делегатов по отдельным докладам и другие материалы IV пленума правления ССП, не вошедшие за недостатком места в настоящий номер «Литературной газеты».

ЗАМЕТКИ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ

На четвертом пленуме правления ССП

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 22 ФЕВРАЛЯ

★ Первое слово—о том, чью потерю оплакивала страна в эти дни, о том, кто вместе с Лениным и Сталиным выковывал, создавал нашу чудесную действительность, где возможной стала нынешняя встреча Пушкина с народом — **первое слово о Серго Орджоникидзе.**

При упоминании т. Ставским этого имени, близкого и дорогого сердцу каждого гражданина Советской страны, весь зал поднимается в скорбном молчании. Тов. Ставский дает сжатую характеристику Серго Орджоникидзе — замечательного борца за социализм, богатыря революции, не щадившего ни сил, ни здоровья для того, чтобы приблизить день полного торжества народных масс всего мира.

★ «Пленум любви и уважения к величайшему русскому поэту — и вместе с тем пленум учебы», говорит т. Ставский в своем вступительном слове.

Этим в известной мере уже определяются и задачи, стоящие перед участниками IV пленума ССП: глубоко осмыслить наследство основоположника современной русской литературы, вдуматься в причины такой поистине легендарной, стихийно растущей популярности Пушкина среди всех народов советской земли, опереться на Пушкина, как на надежнейшего и вернейшего друга и союзника в нашей борьбе за истинно-народное, пленительное по ясности и глубине искусство.

★ Образ Пушкина в течение века фальсифицировался по-разному. Вокруг него всегда шли литературно-политические бои.

Можем ли мы считать, что эта борьба уже прекратилась, что мы застрахованы от дальнейших попыток исказить облик поэта, от вражеских намерений присвоить себе его наследие?

— Нет,—категорически заявляет первый докладчик т. А. Бубнов, — борьба не прекращается! Достаточно даже беглого ознакомления с той, например, литературой о Пушкине, которая издается за рубежом вышвырнутыми революцией обломками прошлого. Как они из кожи лезут вон, чтобы утвердить Пушкина, как поэта «чистого искусства», воскрешая при этом самые архаические формулировки давно забытых времен. Следовательно, перед нами серьезная задача — до конца разоблачить лживые концепции, добить остатки извратителей и опошлителей пушкинского наследия.

Особо останавливается т. А. Бубнов на практике вульгарных социологов, чьи старания приводят лишь к крайнему сужению роли Пушкина в истории русской литературы и жизни.

★ Доклад поэта Н. Тихонова проникнут боевой и искренней страстностью. Поэт нашел яркие, волнующие слова для того, чтобы показать Пушкина — лучшего гражданина своей эпохи, Пушкина, сумевшего в самых разнообразных формах воплотить многоликую «повседневность» русской жизни, впитать в себя и активно, вдохновенно отстаивать самые прогрессивные идеи своего времени.

Чрезвычайно интересна и вполне своевременна попытка Н. Тихонова «проверить Пушкиным» творчество ряда советских поэтов, установить степень их родства по приемам, по работе над созданием своего поэтического лексикона, по «видению мира».

Но эта часть доклада оказалась в значительной степени смятой, грешила эмпиричностью, не давая представления о многих существенных процессах в современной нашей поэзии. Ставя вопрос о возрождении пушкинских традиций в советской поэзии, т. Тихонов слишком мягко критикует Пастернака, поэта, меньше всех имеющего право претендовать на роль представителя пушкинских начал в поэзии. Что общего имеет душный камерный мирок пастернаковской музы с поистине мировым размахом творчества Пушкина?

В частности, следует сожалеть, что, говоря о возродившейся в нашей литературе могучей тяге к пушкинской «нагой простоте», т. Тихонов ничего не сказал о ряде явлений, свидетельствующих, как настойчиво и последовательно партия и правительство ориентируют советское искусство в сторону полнокровного реализма, народности великой идейности.

★ После докладов — выступления поэтов советской страны с переводами произведений Пушкина и со стихотворениями, посвященными памяти великого поэта.

Уверенно и радостно зазвучали на языках советских народов знакомые ритмы «Памятника» (армянский перевод — орденоносца Наири Зарьяна, киргизский — Токомбаева, татарский — Файзи, калмыкский — Бассангова), «Полтавы» (в переводе белорусского поэта Якуба Коласа), «Медного всадника» (в переводе Янка Купала), «Евгения Онегина» (на тюркский язык перевел орденоносец Самед Вургун, на чувашский—Хузангай, на украинский — М. Рыльский) «Узник» прочел на башкирском языке Ишемгулов, «Чаадаеву» на казахском — Джансугуров, «Анчар» на еврейском — Д. Гофштейн, «Пророк» на украинском — Л. Первомайский. «Буря мглою» и «Делибаш» на грузинском языке—орденоносец П. Яшвили и «Зимняя дорога»—орденоносец Машашвили, «Вакхическую песню» на карельском языке — Виртанен. Стихи, посвященные Пушкину, прочли Антокольский, Александрович, Самед Вургун, Безыменский, Гаприндашвили, Первомайский, Солбонэ-Туя, М. Голодный, А. Жаров, Чичинадзе и др.

Чудесная, незабываемая перекличка народов с могучим гением, по-новому оплодотворяющим всю нашу многоязычную литературу!

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 23 ФЕВРАЛЯ

★ Советская литература создается руками людей, в преобладающей части прошедших суровую школу гражданской войны, живущих надеждами, стремлениями, радостями и скорбями всей страны.

Об этом напомнили в своей пламенной речи **Вс. Вишневский**, поздравлявший гостей-красноармейцев с 19-летием Красной армии. С темпераментом, присущим этому писателю, говорил т. Вишневский о гнусных замыслах фашистов против социалистической страны. Воскрешая героические картины гражданской войны и борьбы с белыми интервентами, т. Вишневский заверил молодых бойцов:

— Когда день схватки придет, мы, советские писатели, снова будем в ваших рядах и вместе с вами отстоим свободу и независимость нашей родины.

★ С большим интересом был выслушан затем доклад **Юрия Тынянова** о прозе Пушкина. Образ великого труженика встал из всей суммы деталей, сообщенных Тыняновым о работе поэта. Пушкинская ясность и простота — результат напряженных усилий, неутомимых исканий, мужественного преодоления литературных традиций того времени. Эти традиции отстаивались влиятельнейшими современниками Пушкина — в зале неоднократно вспыхивал смех, когда Тынянов приводил весьма колоритные цитаты из высказываний Каченовского, Карамзина, Шишкова и др. В этих высказываниях с удивительным «простодушием», с предельной откровенностью выражено презрение консерваторов и реакционеров к народу, к «будням жизни», к насущным интересам масс.

Исключительное свойство пушкинской поэзии и прозы — их **заразительность.**

Нельзя забывать, заключает Тынянов свой яркий доклад, что —

— Пушкин, этот старый учитель Толстого и Салтыкова-Щедрина, еще очень молод.

★ Драматургии Пушкина был посвящен доклад **И. Альтмана.** Одним из центральных моментов доклада явился анализ «Бориса Годунова», как явления театрального. Тов. Альтман резко восстает против легенды о «несценичности» этого пушкинского шедевра, легенды, возникшей лишь потому, что ни один режиссер еще не поднялся до уровня этой трагедии.

— Мы должны отдать Пушкину вековой долг, — заявляет т. Альтман под аплодисменты зала. — Советский театр должен воплотить на своих подмостках образы «Бориса Годунова» во всей их поэтической силе, красоте и яркости.

Но главной предпосылкой для этого является правильная оценка как эпохи, изображаемой в трагедии Пушкина, так и позиции поэта в отношении центральных фигур его произведения: Димитрия Самозванца и Бориса Годунова. Тут немало напущено туману некоторыми историками и писателями, договорившимися до того, что провозглашают Лже-Димитрия, исполнителя воли польских интервентов, прогрессивным явлением в русской жизни, а Пушкину приписывают сочувственное отношение к этому авантюристу, продающему родину во имя личных низменных соображений!

★ Последним на утреннем заседании выступил председатель ВОКС **т. А. Аросев.** Он подробно информировал пленум о том, как отмечена была пушкинская дата за рубежом. Факты, сообщенные т. Аросевым, говорят о мировой славе поэта, и что особенно интересно, о том, что только теперь, благодаря успехам советского пушкиноведения и критики, европейское общественное мнение начинает уяснять себе подлинный облик великого поэта — гуманиста и бунтаря.

Пленум встретил аплодисментами предложение т. Аросева: организовать на Всесоюзной пушкинской выставке специальный отдел, посвященный пушкинским празднествам за границей.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 23 ФЕВРАЛЯ

★ Второй вечер пленума явился как бы органическим продолжением той замечательной демонстрации дружбы и братства народов, которая накануне вылилась в форму поэтического соревнования.

Снова на трибуне лучшие поэты советских народов — **А. Тагиров, Самед Вургун, П. Тычина, С. Чиковани, М. Рыльский.** И снова звучат взволнованные речи о Пушкине, речи, идущие «от сердца к сердцу». Так говорить могут только люди, таящие в себе действительно неиссякаемую нежность к Пушкину, люди, влюбленные в его поэзию.

Громадное впечатление произвела речь орденоносца Самед Вургуна, приведшего выдержки из «Восточной поэмы на смерть Пушкина», написанной великим тюркским писателем Ахундовым в 1837 г. вскоре после гибели поэта.

★ С очень содержательной речью выступил на вечернем заседании тов. **А. Сурков.** С большой страстностью определяет т. Сурков пушкинские дни, как некий рубеж, за которым начинается эра нового, еще более удивительного под'ема культуры во всей стране.

В свете этих дней необходимо оглянуться и на путь, пройденный литературой, и дать соответствующую оценку ошибкам и увлечениям молодости, несколько отодвинувшим от нас великие традиции пушкинской поэзии.

Характеристике этих ошибок и была посвящена основная часть доклада т. Суркова.

★ Громом аплодисментов принял пленум зачитанные тт. Куликом и Вирта приветственные обращения к товарищу Сталину и Ворошилову.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 24 ФЕВРАЛЯ

★ В последний день прений по докладам Н. Тихонова, Ю. Тынянова и И. Альтмана выступили тт. Ташназаров (Туркмения), Виртанен (Карелия), Бронштейн (Белоруссия), Муканов (Казахстан), Чанба (Абхазия), Токомбаев (Киргизия), орденоносец Наири Зарьян (Армения), Ботай (Удмуртия), Бурнаш (Татария), Галиев (Северная Осетия), Шабдар (Марийская область), Айбек (Узбекистан), еврейский поэт Д. Гофштейн, русские поэты Джек Алтаузен, Л. Длигач, В. Инбер, Д. Петровский, С. Маршак и А. Коваленков.

★ Поэты советских народов говорили о влиянии Пушкина на их литературу, о том, какой огромной воспитательной работой для них самих является работа над переводами пушкинских произведений, о славе величайшего русского поэта в их республиках. Нет деревни, нет кишлака, аула, из которых не поступали бы требования:

— Дайте нам книги Пушкина

Чрезвычайно интересны рассказы некоторых поэтов об опыте их работы над переводами Пушкина, о тех уроках, которые они извлекли из этой работы. Не менее интересен и анализ ряда пушкинских произведений, сделанный некоторыми ораторами с целью рассеять культивируемую всякого рода шовинистами и контрреволюционерами легенду о том, что Пушкин якобы симпатизировал колониальной политике царизма. С презрением отвергают эту клевету тт. Муканов, Наири Зарьян, Галиев и др.

— Разве мог бы,— спрашивают они, — Пушкин, сочувствуя политике угнетения, написать такие строки, всегда, между прочим, пропускавшиеся как в русских изданиях, так и в дореволюционных переводах:

Так буйную вольность законы
теснят,
Так дикое племя под властью
тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ
негодует,
Так чуждые силы его тяготят.

★ Лев Длигач страстно говорит о Пушкине — живом современнике, о Пушкине, духовное бессмертие которого воспринимается почти с биологической силой. Поэт рассказывает о потоке стихотворений памяти Пушкина, поступающих в редакции газет. Эти стихи иногда беспомощны, но удивительны по своей искренности и трогательной простоте. Иногда в них попадаются строки, полные неожиданного и глубокого смысла. Таковы строки, принадлежащие ученику 9-го класса московской школы и встреченные на пленуме всеобщим одобрением:

Нет, весь ты не умрешь
не только как поэт,—
Ты жив как гражданин
Советского Союза.
И в нас есть кое-что
от пушкинских примет,
Хоть нас не так давно
твоя коснулась муза.

★ О громадной любви к Пушкину советской детворы тепло говорил и т. С. Маршак, считающий, что юбилейные торжества явятся буквально неким переломным моментом в истории формирования вкусов и интересов нашего юного читателя.

Тов. Маршак приводит примеры свидетельствующие о том, что не только произведения Пушкина отлично знакомы советским ребятам, не только его жизненный путь изучается ими внимательнейшим образом, но даже об окружении великого поэта они могут рассказать подробности, которые никогда не были известны их отцам и дедам даже в более зрелые годы. Советский школьник, как правило, безошибочно назовет вам имена Дельвига, Пущина, Кюхельбекера и других друзей, а также и врагов поэта — даже в том случае, когда под их портретами нет подписей.

★ В ярком выступлении, формулируя мысль о значении и роли Пушкина не только в истории классической нашей литературы, но и новой русской и общесоветской поэзии, Алтаузен заостряет внимание на вопросе об идейном содержании, как основном решающем моменте в искусстве. Это идейное содержание может притти только от органической, всесторонней, накрепко осознанной и прочувствованной связи художника с эпохой, с действительностью, в которой он живет и творит.

В свете этого положения явственно выступают наружу все особенности творчества такого, например, поэта, как Борис Пастернак.

Алтаузен дает резкую и весьма убедительную оценку всех попыток, с «легкой» руки правого отщепенца Бухарина, канонизировать Пастернака, как самого крупного, чуть ли не вообще единственного советского поэта. Только сознательное желание ориентировать молодежь в сторону от советской действительности, от советских интересов могло руководить теми, кто так старательно насаждал у нас культ Пастернака. Тщательно перерошив весь поэтический инвентарь Пастернака, Алтаузен сумел показать, что этот поэт никогда не выходил из круга ограниченных представлений и мелких чувствованьиц, раздуваемых им до степени «вселенских», никогда не способен был возвыситься до понимания того, что происходит вокруг него, никогда не шел в ногу со своей эпохой.

Не смехотворно ли после этого, в самом деле, даже самое отдаленное сопоставление имени Пушкина с именем Пастернака и провозглашение Пастернака тем поэтом, произведения которого донесут до наших потомков аромат нашей неповторимой эпохи?

★ Весьма симптоматично и то обстоятельство, что почти такую же оценку дал Пастернаку и Дм. Петровский — поэт, который, как известно, в последних своих произведениях и сам взял сильный крен в сторону от живых интересов современности. Это является достаточным показателем того, что Петровский учел пред'явленные ему критикой обвинения и приступил к серьезному пересмотру своих поэтических позиций.

★ Вера Инбер говорила о том «затруднительном положении», в котором очутятся иные советские поэты после пушкинских дней: им грозит опасность, что читатель, так жадно припавший сейчас к чистому, никогда не мутнеющему источнику пушкинской поэзии, не захочет обратиться к их произведениям.

Следовательно, с небывалой остротой встают перед советскими поэтами задачи борьбы за искусство, идейное, сочное, увлекательное, общенародное. «Златая цепь» русской поэзии будет увеличиваться из поколения в поколение, из века в век — и наши поэты должны позаботиться о том, чтобы то звено, которое им суждено выковывать, заняло в этой цепи свое законное место.

★ Углубляя эту мысль, тов. В. Кирпотин высказывает свою полную убежденность в том, что приход гениев социалистической поэзии—не столь отдаленная перспектива. Вся обстановка в нашей стране является залогом того, что мы скоро станем свидетелями могучего расцвета нашей литературы, рождения Пушкиных, которые будут творить, уже находясь не в разладе со своей средой, со своим обществом, а, наоборот, всецело живя интересами этого общества и их выражая и отражая в своих произведениях.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 24 ФЕВРАЛЯ

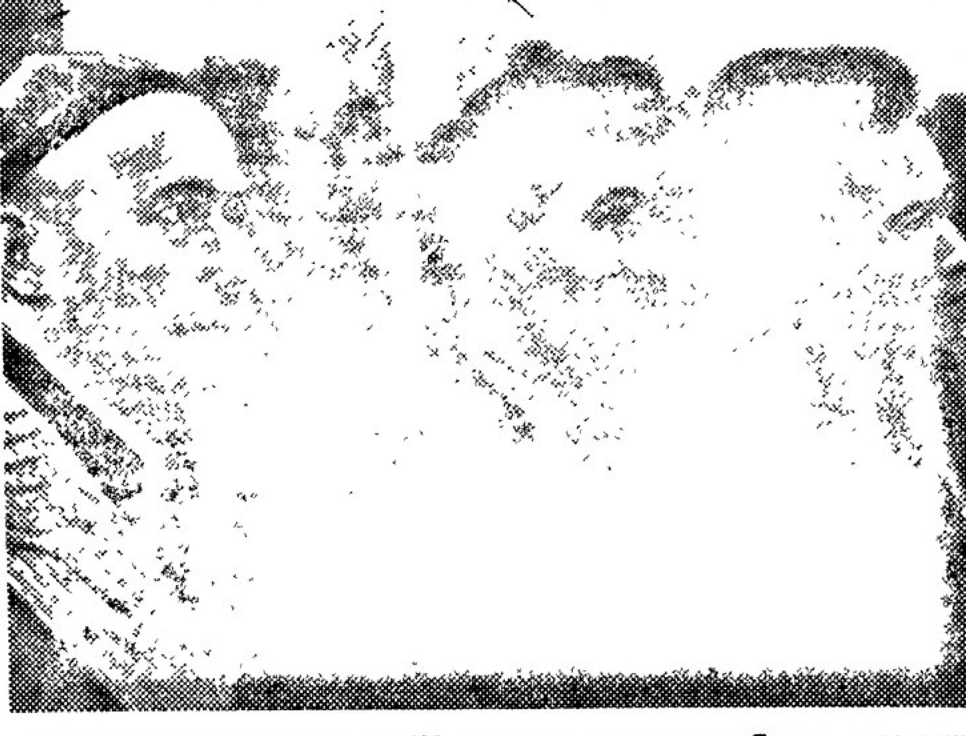
★ На вечернем заседании, 24 февраля, прения по докладам тт. Тихонова, Альтмана и Тынянова закончились. Они, в общем итоге, дали картину роста культуры, роста интереса к поэзии, литературе, они показали огромное значение пушкинского наследия для всех народов нашего Союза.

Но нельзя пройти мимо одного странного факта: многие писатели приняли очень слабое участие в работах пленума. Нельзя никак примириться с тем обстоятельством, что только три-четыре русских поэта высказались по докладу Тихонова, что ни слова не было сказано о положениях, выдвинутых Альтманом в докладе о драматургии Пушкина, что многие серьезные проблемы, возникающие в связи с всеобщим поворотом к Пушкину, были только мельком задеты на пленуме, а многие и вовсе обойдены.

В зале заседаний присутствовали крупнейшие наши писатели, драматурги и поэты — почему же они словно воды в рот набрали?

★ Кстати, говоря об организационных недостатках в подготовке к пленуму, нужно отметить и другое удивительное обстоятельство: никто не догадался организовать на пленуме книжные киоски, где делегаты, с'ехавшиеся со всех концов Союза, могли бы приобрести вышедшую в обильном количестве литературу о Пушкине.

Я. Э.

Писатели Таджикистана на IV пленуме правления Союза советских писателей СССР. Слева направо: Сухайли, Шамбизаде, Рахим Джалил.
Фото Бабст и Дэвлет.

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Как писать пародии

(ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ)

I.

На Арбате открылось кафе с продажей простокваши. Что по этому поводу написали бы поэты **Кирсанов, Сельвинский, Жаров, Уткин и Инбер.**

Семен Кирсанов.

Простокваша
Просто
Прелесть.
Простокваше
Песни
Пелись.
Просто
ква
Просто
ша
Для же
лудка
Хоро
ша.

Илья Сельвинский.

Пичкали папашу
Пичкали папашу
Пичкали папашу
Сыновья.
Ел он простоквашу,
Ел он простоквашу,
Ел он простоквашу,
Не жуя.

Александр Жаров.

Друзья! Простокваша не шутки.
Не даром мы песни поем.
В желудки!
В желудки!
В желудки!
Мы ту простоквашу суем.

Иосиф Уткин.

Хоть впору Шолому Ашу
Такой роскошный сюжет.
Вот Мотеле ест простоквашу.
А почему бы нет?

Вера Инбер.

Я уже, к сожаленью, мамаша.
Не грущу, таково бытие.
Дорогая моя простокваша.
Простоквашенька, сердце мое.

II.

В Гастрономе поступили в продажу лимоны. Что по этому поводу написали бы поэты: **Кирсанов, Сельвинский, Жаров, Уткин и Инбер.**

Семен Кирсанов.

Я
Не
Трус.
Ем
Ци
трус.
Ли
бо
Мон
Ли
бо
Нет.
Сли
монь
Куп
лет.

Илья Сельвинский.

Сброшены препоны,
Сброшены препоны,
Сброшены препоны,
Ишь как ведь.
Папа ест лимоны,
Папа ест лимоны,
Папа ест лимоны,
Как медведь.

Александр Жаров.

Их жрали графья и бароны.
Но мы им сказали: нельзя!
Лимоны!
Лимоны!
Лимоны!
Мы сами с'едаем, друзья.

Иосиф Уткин.

Пускай зевают вороны.
Что лучше — польза иль вред?
Вот Мотеле ест лимоны.
А почему бы нет?

Вера Инбер.

Я тебя вспоминала нынче,
Получив письмецо твое.
Дорогой ты мой витаминчик,
Лимо-лимончик, сердце мое.
и т. д.

Примечание. Лица, желающие получить готовые формы и на других поэтов, благоволят обратиться в штамповочный цех литературно-кустарной мастерской «Пегас».

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61 и 4-34-60.
ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Уполномоченный Главлита Б-30111

Типография газеты «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.